

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Стопичев

БЫЛИНЫ ОГНЯ

Алексей Стопичев

Былины огня

<https://litres.ru/73504607>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юмористическое фэнтези от лица того, кого называют богом огня. Рыжий Семаргл с другими Сварожичами путешествует по Яви и Нави и пытается разгадать страшные загадки и тайны...

Содержание

Часть 1. Явь	4
Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	51
Глава 10	57
Глава 11	63
Глава 12	69
Глава 13	75
Глава 14	81
Глава 15	87
Глава 16	93
Глава 17	99
Глава 18	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Алексей Стопичев

Былины огня

Часть 1. Явь

Глава 1

Лесная дорога петляла, будто напившийся браги леший. Я шёл по колее, когда навстречу из кустов внезапно вывалились сразу пятеро душегубов. Вернее, это им казалось, что внезапно – я этих недоумков ещё за версту распознал. Сидели в кустах, выглядывая жертву. Да среди них ещё и ведун один был. Слабенький, но ведун. Серьёзное не сотворит, но глаза отвести может, ослепить на пару секунд, лошадь напугать или успокоить. Такое в разбойном деле всегда пригодиться может. Идёт караван – и на тебе! Головная кобыла становится, как вкопанная. И если нет в караване другого ведуна – нипочём её с места не сдвинешь.

Так как душегубы перегородили всю дорогу, то я остановился и опёрся на суковатую палку, которую использовал вместо посоха. А один из татей, покосившись на кусты, где сидел ещё целый десяток их подельников, промолвил с ухмылкой, кривя полные губы:

– Как зовут тебя, странник? Да куда путь держишь?

– Сёмой кличут, – я пожал плечами и переступил с ноги на ногу, заметив, как из-за спины видящего выглянула Полудница, посмотрела на меня и порскнула в чащобу. Ведун Полудницу не видел, хотя как-то приманить сумел, оттого злыдня и помогала татам на дороге. Только вот слабенькому ведуно невдомёк было, что сейчас остались они без поддержки духа. Оттого и стоял расслаблено и вальяжно, как Водяной перед жевжиками.

– Сёмой, – гоготнул тать и оглянулся на своих подельников, будто предлагал им шутку какую-то особо изысканную оценить. А потом улыбнулся ласково, ощерив гнилые зубы и пробасил: – А в котомке что у тебя, Сёма?

– Да разве ж он скажет? – просипел стоящий слева душегуб, мелкий и плешивый, будто пёс облезлый: – Самим пощупать надо!

– Отчего ж не скажу? – удивился я, – Секрета никакого нету.

– И что же? – всё так же гниленько улыбаясь, спросил главный тать, недовольно покосившись на плешивого, что посмел старшего перебить.

– Хлеба каравай, сыр, мясо вяленое, туес с квасом, шкурки соболиные, двадцать гривен серебряных, да пара златников, – я смотрел, как расширяются глаза татей, глядящих на меня. Двадцать гривен да два златника – состояние целое. Город не купишь, но вот деревеньку со всеми избами да паш-

нями – вполне себе можно приобрести! Оттого и главарь душегубцев аж голосом захрипел, когда вновь ко мне обратился:

– Шутить изволишь, Сёма? Смотри, мы за шутки спросим жёстко!

– Да какие ж шутки? – удивился я, пятернёй взлохматив волосы, – Ты не шутейный вопрос задал, я серьёзно ответил.

– Слышишь, рыжий, – осклабился плешивый, вновь заговорив вперёд вожака своего: – Ежели набрехал – мы тебя выпотрошим, как дичь какую!

– А это ж кто вам дозволение дал людей живых потрошить? – постарался я изобразить своё удивление. Получилось, конечно, так себе – я не Ярило, который любое чувство изобразит так, что и не поймёшь – скоморошничает или вправду ему горько, али весело. Зато разбойникам и моей игры хватило, залились смехом весёлым. Сами себя хлопают ладонями то по коленям, то по бокам. Гогочут, как кони по весне во время случки. Только ведун не смеялся, заметил, видимо, что-то или почуял. Хоть и слабенький, да не без способностей. Достал из-под армяка талисман какой-то и давай его тереть озабочено. А потом тронул сзади за плечо вожака и шепчет ему тихо.

– Я Полудницу не чую!

Ну, это он думает, что тихо. Мне-то его слова слышны, будто он мне в ухо шепчет. А тут ещё смотрю, к дороге Леший подобрался. Смотрит из кустов и щерится довольно.

Будто на представление скоморошеское внезапно попал бесплатно. Впрочем, так оно и было, по сути. Только тати сами ещё не понимали, что здесь действительно представление. А они, значит, в главной роли выступают. Хотя, ведун начал догадываться. А за ним и вожак посмурнел. Перестал ржать и требовательно на своих душегубцев посмотрел, отчего мужички присмирели. А старший их мне и говорит:

– Ты серебро со златом сам отдашь, али сопротивляться будешь? Отдашь подобиру – отпустим живым, хоть ты и рыжий!

– А рыжего до обеда встретить – к несчастью, – хохотнул вновь плешивый, да умолк быстро под недобрый взглядом вожака.

– Добро своё я не отдам, люди хорошие, – максимально искренне улыбнулся я татам, – Вижу, что вы не нуждаетесь ни в чём. Не калеки, не убогие. Руки ноги есть, потому и сами заработать в силах. Ежели вся дюжина возьмётся лес корчевать да пахоту возделывать – на следующий год много хлеба да репы посеете! Хутор поставите...

– Слышишь, рыжий, – вожак вовсе перестал улыбаться и потянул из ножен меч: – Ты давай-ка котомку сюда, пока я добрый.

Леший на дереве весело заухал и захлопал в ладоши. Вот уж точно – зритель на спектакле бесплатном. Я искоса глянул на лесного шалуна и покачал головой:

– Котомку я тебе не отдам, даже не думай. Но ежели вы

оружие сложите и начнёте нормальной жизнью жить – не стану вас убивать да калечить.

– Юродивый, – сделал вывод и плешивый, тоже доставая из ножен меч. Остальные тати следом за вожаком и плешивым вооружились. Правда, мечей больше ни у кого не было. один – рябой, снял с плеча кистень. Второй рогатину перехватил, а третий крутанул дубину. Десять их товарищей, что в кустах сидели, тоже перехватили поудобнее оружие. Я покосился на лешего и сказал:

– Ты вместо того, чтобы скалиться, проследи, куда Полудница направилась! Нечего твари, людей убивающей, по твоему лесу шастать!

Леший махнул ручкой, даже не сдвинувшись с места. Вредные они эти лешие. С ними только Святобор общий язык находит, уж даже не знаю, как умудряется. Остальных сварожичей они лесом шлют, в коем полными хозяевами себя чувствуют. А я окинул взглядом разбойничков, что ко мне двинулись, перехватил поудобнее посох и резко, как копье, выкинул его в сторону плешивого, подобравшегося ближе всех. Суковатый дрын ударил рьяного душегуба прямо в лоб, я услышал хруст кости, и разбойничек опрокинулся на спину, выронив меч. Остальные притормозили на секунду, но вожак крикнул «Бей!» и первый кинулся на меня, замахиваясь мечом. Я шагнул в сторону и ударил сверху вниз по рукам. Тать заорал хрипло, отчаянно. Понимаю, сразу обе сложенные руки в предплечьях – это очень больно. Но убивать

ради наживы – тоже не очень хорошо. Впрочем, предаваться нравственным вопросам морали я не стал, увернулся от кистеня и, перехватив посох в правую руку, ударил левой татя в голову. Кулак мой проломил разбойнику темечко, и тот упал, запустылившись на губах кровью. Оставшиеся на ногах разбойники отпрыгнули и заорали дико, призывая своих представших в лесу подельников. Ведун ломанулся в кусты, но я ногой поддел меч, выроненный плешивым, и резко кинул в спину убегающему. Клинок с чавкающим звуком вошёл под лопатку, и ведун упал лицом в прелую листву, утробно застонав. А я крутанул в руках посох и впервые по-настоящему улыбнулся, шагнув навстречу дюжине душегубов:

– Ну что, засранцы, потанцуем?

Глава 2

Во сне я снова будто бы оказался во время перехода. В ту страшную ночь, когда Эксперимент вышел из-под контроля, и всё пошло не так. Начальник лаборатории тогда кинулся к стенду, на котором разгоралось яркое солнце, пытался остановить процесс распада, но не успел. И волна боли поглотила меня. Я думал, что разлетелся на атомы, а каждый атом жёг огонь, сводя с ума от боли. Уже потом, когда я очнулся, я стал учиться жить с этим огнём внутри меня. Жить в новом мире, только-только выходящим из родового этапа. Тогда Сварог и решил, что мы должны направлять примитивное общество и учить гуманизму, насколько хватит сил и времени. И того и другого у нас оказалось бесконечно много...

Каждый из нас, все сотрудники института, во время перехода получили какие-то способности, вернее, мутации. И если в случае со мной это было умение управлять огнём, то Стрибог получил власть над воздухом, Перун – над электричеством и так далее. Причём, каждый из нас свою особенность чувствовал по-своему. Для меня владение силой стало болью и испытанием, так как, каждый раз вызывая пламя, я чувствовал, будто расплавленная магма льётся по моим жилам. А вот Перун управлял электричеством легко. Только жаловался, что электроны щекочут ему ноздри, оттого, вы-

пуская очередной разряд, он весело чихал. Для некоторых и вовсе мутации стали настоящим проклятием, изменив не только энергетический каркас тела, но и физический. Часть сходила с ума, превращаясь в ужасных монстров, и нам приходилось сражаться с ними, защищая себя. Часть ушла, отказавшись от общения. И из двух тысяч сотрудников института, переживших Переход, со Сварогом остались всего два десятка, которых после прозвали Сварожичами. Остались, наверное, потому, что верили, что рано или поздно наш начальник лаборатории сумеет вернуть нас в наш мир.

Хотя, век от века вера эта истончалась и тускнела, а мы всё больше погружались в дела смертных. Потому как сами мы изменились не только способностями. Уж не знаю, стали ли мы вечными или нет, но то, что превратились в долгожителей – точно. За несколько веков ни я, ни мои братья и сёстры не постарели, казалось, ни на день. А некоторые, как Мара или Макошь, научились ещё и лепить своё тело так, как им захочется...

Я вынырнул из сна весь мокрый и резко сел, пытаясь понять, что меня разбудило. Лес тихо шелестел, где-то долбил-ся в дерево дятел. Я потянулся вокруг сканирующим заклинанием и вздрогнул, почуяв недалеко от себя ту самую Полудницу. Нарочито небрежно потянулся, не показывая вида, что заметил злобную сущность, и стал неторопливо подниматься. Полудница висела за деревом за моей спиной, я чувствовал её каждой клеточкой, как чувствовал и её желание

накинуться на меня. Эти злобные твари обожали страдания, они питались ими. А я лишил Полудницу постоянного стола, перебив душегубов, убивающих людей. Я чувствовал ненависть твари и её желание отомстить. Они смешивались с боязнью, но рано или поздно ненависть пересилит, как всегда и бывало у этих созданий.

Я ждал этого момента, но чуть не пропустил броска призрака. Они очень быстры и не менее смертоносны. Нет, повредить физической оболочке Полудницы не могут, но они атакуют ментально, выжигая мозг разумного существа, окуная любого разумного в пучину страданий и боли. Любого, кроме сварожичей. О чём тварь вскоре и узнала. Я развернулся навстречу исчадию, мчащемуся ко мне, и встретил сущность ударом посоха. С таким же успехом я мог ударить ментально, но посох всегда помогал сосредоточиться и более точно сфокусировать выплеск энергии. Обычно Полудниц от такого удара откидывало, разрывая, но эта тварь оказалась невероятно сильной. Мало того, что устояла, так ещё и приблизиться умудрилась, потянув ко мне щупальце, транслируя боль.

– Ты решила Семаргла болью удивить, тварь? – захохотал я бешено в лицо духа, – Так узри боль настоящую!

Я влил в неё воспоминания о боли огня, корёжащего каждый атом моего тела, о сжигающей магме, плескающейся внутри самой сути и Полудница заверещала резко, пытаясь отстраниться, улететь. Но я уже не отпускал, ухватив её си-

лой, прижимая к себе и глядя, как скукоживается бестелесная суть злыдни, корёжась, будто в пламени костра. Пара мгновений и Полудница исчезла, оставив после себя лишь эхо посмертного отчаянного крика. А на ветвях деревьев заухал довольно и запрыгал Леший, вновь колотя от восторга в ладоши. Я хмуро посмотрел на лесного жителя, сплюнул и спросил:

– Может, и тебя с болью познакомить, чудище?

Леший резко затих, сумрачно уставился на меня, показал язык и сгинул в чащобе. А я поднял котомку, закинул на плечо, осмотрел полянку – не забыл ли чего, и пошёл к лесной дороге. Пошёл по виляющей в разные стороны тропе с колеями от тележных колёс да следами застарелого помёта и размышлял, отчего воевода ближайший не почистил лес от лихоимцев. Неужто настолько Полудницу испугался? Ведь ведуны местные давно научились отпугивать этих тварей. Да и полтора десятка татей – ничто для дружины. Посекли бы на одном дыхании, только размялись бы перед ужином. Однако ж, смотри ты, судя по заросшей травой колее – подводы тут год точно не ездят. Я нахмурился и решил голову раньше времени не забивать непонятками. Как выйду к поселению, так и спрошу.

Через час выбрел наконец из лесу и увидел верстах в пяти деревянную крепость. Посмотрел налево-направо и пошёл по дороге к городищу, торчащему на холме. Городище устроено было грамотно – вершина холма опоясалась бревенча-

тыми стенами и башенками. Даже детинец проглядывал из-за стен, бревенчатый, могучий. А вокруг городища раскинулись селения крестьян, жмущихся к крепости. Весна только вступала в права и по полям воли, понукаемые крестьянами, тягали плуги да бороны. А я же размашисто шагал от леса, пристукивая посохом по заросшей травой дороге.

Первыми меня, как всегда, почуяли собаки. Одна из них заливисто залаяла в ближайшем селении, и уже через минуту со всех дворов слышался собачий брѣх. Я усмехнулся весело и направился к этому селению, чуть свернув с дороги. И увидел, как навстречу выскочили из селения сразу пятеро верховых. Все с круглыми щитами, в шеломах и с копьями наизготовку. Я вновь нахмурился, но останавливаться не стал. Спокойно шѣл навстречу, поглядывая на дружинников. те, увидев, что иду без боязни, сдержали бег коней и перешли на шаг. А шагов за пятьдесят и вовсе остановились. Один из них, видать, старший, спрыгнул с лошади и шагнул навстречу. Спросил повелительно, максимально грубя юношеский голос:

– Кто таков будешь, странник?

Я тоже остановился, улыбнулся навстречу юному воину и ответил спокойно:

– Сѣмой величают в дому. А ты кто?

– А я десятник воеводской дружины Белозар! – по юношески срывающимся голосом ответил воин.

– Здрав буди, Белозар, – кивнул я и спросил: – Далече ли

до города Вырь отсюда?

– Отсюда недалече, – хохотнул один из дружинников, опередив десятника, и указал подбородком на городище: – Вон Вырь и будет. А кто тебе там надобен-то?

Я прищурился, глянул на воинов, но ничего странного не заметил, потому ответил честно:

– Воевода Ведагор помощи просил, вот и явился я.

– Помощи? От тебя? – скептически хмыкнул всё тот же дружинник, топорща русую бороду, – Нам ежели кто и поможет, дык токма боги, а не калика перехожий...

Глава 3

Я чуть наклонил голову, слушая собачий разноголосый брёх, и пристукнул посохом, отчего псы и псицы разом смолкли. А я ухмыльнулся и пожал плечами:

– Так ты те вопросы с воеводой и обсуждай, служивый. Меня позвали – я явился. А ежели помощь не нужна – могу и восвояси отправиться.

Воин, который перебивал юного десятника, удивлённо посмотрел на селение, где разом смолкли собаки и протянул уважительно:

– Ведун что ли? Ежели ведун, то и вправду помочь можешь, а то у нас тут...

– Колояр! – перебил разговарившегося дружинника юный десятник, – Воевода сам скажет, что надобно!

Глянул на меня, покраснев, и проговорил:

– Следуй за нами, Сёма, мы медленно поедem!

Пока мы шли к Выри, дружинники помалкивали. Лишь кидали на меня любопытные взгляды. Потом Колояр не выдержал всё же. Спросил миролюбиво, сглаживая первые минуты знакомства:

– А как через лес прошёл, Сёма?

– Ногами, – пожал плечами я. Колояр покраснел, а другие дружинники грянули хохотом. Улыбнулся и десятник Белозар. Впрочем, улыбку быстро согнал с лица, сделавшись се-

рьёзным. Видать, совсем недавно должность получил, боится уважение потерять. А Колояр ничего не боялся, сразу видно – балагур да весельчак. Сам посмеялся над собой и сразу же продолжил:

– Там вроде нечисть поселилась. Давно в объезд ездим.

– Нечисть? – удивился я, – Одна Полудница да чуть более дюжины татей. Смели б с наскоку! Любой ведун укорот бы дал.

– Да наш ведун, – заговорил было дружинник, но десятник крикнул упреждающе:

– Колояр! – и балагур замолк разом. Я с интересом посмотрел на обоих, но смолчал. Тем более, как раз к воротам подошли, взобравшись на холм. Дружинники на воротах кивнули прибывшим со мной и на вопрос, где воевода, ткнули пальцем в детинец.

Воевода Ведагор оказался мужиком грузным, мощным. Не богатырь, но сильный. Да и ума немалого должен быть, ежели воеводой выбрали над немаленьким по местным меркам городом. Белозар, увидев начальника, пошёл было вперёд, принялся докладывать, да Ведагор, увидев меня, отстранил десятника, быстро прошёл навстречу и поклонился:

– Здрав буди, Сварожич! Рад приветствовать в Выри! Давно ждём!

– А позвали недавно, – улыбнулся я, глядя, как вытягиваются лица дружинников, которые привели меня к детинцу.

– Думали, сами справимся, – виновато ответил воевода.

А потом махнул рукой: — Да в итоге три ведуна сгинули, да воинов, почитай, полсотни положили.

Потом посмотрел на Белозара и проговорил негромко:

— Видишь, каких зелёных в десятники ставлю?

— А что случилось-то? — я пошёл следом за воеводой в детинец, отмахнувшись от слуги, который хотел схватить мою котомку.

— Колдун-оборотень объявился, батюшка Семаргл! Кегеном себя кличет.

Увидев удивление на моём лице, воевода поморщился, указал рукой на лавку возле стола, куда слуги уже ставили угощение, и поспешил объяснить:

— Не один он, Сварожич! С одним мы бы и сами справились. Две сотни выдвинулись на битву, да трое ведунов сильных! Считаю, половина дружины полегла, да и остальные бы сгинули, ежели б не ведуны. Смогли врага отвлечь, пока мы уходили.

Воевода поморщился так, будто уксуса выпил. А я закаменел лицом и спросил:

— И кто вышел вам навстречу окромя колдуна?

— Часть — оборотни. Часть — упыри. Да что-то безликое, что я уразуметь не смог. Ведуны заорали, чтобы уходили мы, а сами остались на бой смертный, Ведагор положил могучие руки на стол и сжал кулаки так, что костяшки побелели. А я кивнул понимающе и проговорил:

— Далеко отсюда?

– Вёрст пятьдесят, – тут же ответил воевода. И проговорил просительно: – Отобедай с нами, Сварожич!

– Отобедаю, – кивнул я Ведагору, придвинул миску и сказал: – С утра отправлюсь туда, выдели два десятка мне в помощь, чтобы место показали и подсобили в случае чего!

– Почему же два десятка? – вскинулся воевода, – Вся дружина пойдёт!

– Оборотней и упырей сколько было? – спросил я главу Выри.

– Да по дюжине тех и других.

– Сам справлюсь, – качнул я головой, – А против неведомого, что узреть не можете – и вовсе дружина не помощники. Два десятка хватит.

– Как скажешь, Сварожич! – склонил голову воевода. И больше мы к этой теме не возвращались.

Весь день после обеда я отдыхал, да посматривал на жизнь в Выре. Сварог, когда решил людей здесь в счастливое будущее вести, многого не знал. И в первую очередь того, что мир этот, в отличие от нашего, был заселён древними и, зачастую, злобными к людям существами. Оттого и первые десятилетия в этом мире нам приходилось не столько учить кого-то, сколько самим выживать, развивая новые силы. Потому как твари, населяющие здешний мир, были как в физическом обличье, так и бестелесные. И ежели я и Стрибог видели бестелесные сущности, то вот Велес или Перун их в упор не замечали. Пока Велес не придумал специальные оч-

ки для видения. Это потом уже узнали, что местные племена, называющие себя славными или славянами, специальные травы пьют, чтобы разглядеть бестелесных тварей. Велес и заинтересовался. Начал опыты проводить, в итоге придумал алхимический состав, который раз и навсегда давал способность бестелесное видеть. Тут уже стало попроще. Но к этому времени часть наших пала в жестоких битвах, а часть разбелась по всему свету, махнув рукой на Сварога и предпочитая самим выживать в безумном мире, похожем на ожившие страшные сказки.

Мы слышали об ушедших уже в виде легенд и преданий. Там вдруг появился великий колдун. Здесь – богатырь. Некоторые даже страны создавали, превращаясь в деспотичных маньяков. И тогда Сварог отправлялся сам, либо отправлял кого-то из нас наводить порядок и восстанавливать равновесие. А потом, отчаявшись воззвать к разуму мутировавших учёных, аспирантов, лаборантов и техперсонала и вовсе решил, что равновесие – лучше всего. И по максимуму ограничил наше вмешательство. Лишь в таких вот случаях, когда нечисть угрожала истреблением людей.

Мы встали с первыми петухами, когда солнце ещё только-только начало подсвечивать горизонт, а воздух пах росой и луговыми травами. Я вдохнул полной грудью свежесть утра и вскочил на жеребца, которого привёл лично воевода. А затем Ведагор запрыгнул в седло своего коня и сказал, будто извиняясь:

– Сам два десятка поведу! Мои люди погибли...

Я кивнул согласно и поехал вслед за дружинниками к месту обиталища колдуна-оборотня. Очень уж интересным показалось, как эта нечисть смогла такую дружину разгромить, да ещё и трое ведунов удержать не сумели этих выкормышей бездны. Ибо ведуны славянские сильны были. И в волшебстве мирской, и в бою. Помню, как двое рядом со мной да Велесом бились против Гамаюнов, и тогда даже Велес поразился силе людей...

Глава 4

Весна вступала в свои права неотвратимо и по тягучему знойно. Степь гудела насекомыми и будоражила запахом трав, но, несмотря на кажущуюся безмятежность, витала в степи какая-то тревога. Я выкинул вперёд поисковое заклинание и почуял, что в двух верстах от нас находится сразу два десятка сущностей. Сильных. Тёмных. Поднял руку и остановил коня. За мной следом остановились и дружинники во главе с воеводой. Я ткнул рукой вперёд и произнёс:

– Нас ждут. Там.

Ведагор недоумённо вперился в степь, нахмурился и даже глаза протёр. Потом повернулся ко мне и проговорил тихо:

– Не чую ничего, Сварожич!

– Так и было задумано, – кивнул я. Достал из котомки наруч, натянул на левую руку, а саму руку вытянул вбок и тихонько позвал: – Рарог, явись!

Огненный сокол появился, как всегда, будто из ниоткуда. Это мне видны были энергетические нити пламени, устремляющиеся в одну точку и формирующие подобие птицы. Для смертных просто над моим предплечьем вдруг возник сияющий ярко хищник и взмахнул своими ослепляющими крыльями. Заклекотал горделиво и радостно и покосился на меня своим глазом. Я мог бы отдать ему мысленный приказ, но негоже не доверять тем, с кем в бой идёшь, потому прогово-

рил голосом:

– Лети вперёд и посмотри, что там! Стань моими глазами.

Позади восхищённо и испуганно выдохнул юный десятник Белозар, а дружинники и вовсе смотрели, онемев, как Рарог расправил сияющие крылья и взмыл ввысь с моей перчатки. Я протянул канал связи с соколом и стал смотреть его глазами сверху. И вначале даже соколиным взором ничего не различал. И только потом увидел смутные даже не силуэты – образы, темнеющие в степной траве. Насчитал два десятка и подивился, что научились оборотни и упыри так от взгляда прятаться. И лежат, главное, не шелохнутся. Я спешил, обернулся к воеводе и произнёс:

– Дальше пешком пойду, лошадка испугается, понесёт – не навоюешь!

– У нас лошади приучены, батюшка Семаргл, – сказал тревожно Ведагор.

– К такому ни одну скотину не приучишь, – качнул я головой, разминая ноги. И тут почуял неладное. Быстро глянул глазами сокола, заклекотавшего яростно, и увидел, как летит в него чёрная стрела. На мгновение опешил, так как сокол на полверсты вверх кружил – туда ни одна стрела долететь не должна. Но эта летела – зловеще и целенаправленно. Рарог метнулся чуть вбок и схватил стрелу когтистыми лапами, сжигая чёрное дерево. Хотел метнуться вниз, но я приказал уйти оттуда, так как увидел ещё три стрелы, летящие к соколу. Рарог подчинился, но неохотно. Скользнул ко мне и

стал наматывать круги над моей головой. А я взял поудобнее посох и зашагал к прячущейся нечисти.

– Подожди, Сварожич, я с тобой! – пробасил сзади воевода, быстро соскочил с коня, кинул повод десятнику и пошагал следом, крутанув в руке шипастую палицу. Я кивнул одобрительно, узрев, что на палице правильные руны выбиты. Такая и упырю урон нанесёт, и оборотня опрокинет. Ведуны погибшие, сразу видно – знали толк в волшбе. Оттого ещё интереснее стало глянуть на тварей, сумевших таких сильных Знающих в Навь отправить!

Я пошёл к засаде, рассказывая уже на ходу:

– Вперёд не лезь! Спину мне прикрывай. Что велю – сразу делай, без разговоров долгих.

– Я человек ратный, – весело пробурчал Ведагор, – Сызмальства к этому приучен.

– Тогда, если крикну беги, – сказал я, пристально всматриваясь вперёд, – Разворачивайся и беги со всех ног!

– Думаешь, не сдюжу, – недовольно сказал воевода, и я услышал в его голосе обиду.

– Супротив моего огня никто ещё не сдюжил, – примирительно ответил ему, и Ведагор повеселел, буркнул в ответ что-то вроде «это ясно-понятно».

Когда до нечисти оставалось с полверсты, тени зашевелились и в степи в полный рост встали сразу полторы дюжины упырей и волколаков. Уж откуда они знали, что мы поедем сюда? Или просто засаду сделали на каждого встречного, да

поперечного? Трое из волколаков держали в руках кривые луки кочевников. Я ощерился и увидел, как волколаки ловко начали накладывать стрелы и посылать их в нас. Воевода тут же перекинул щит со спины на руку, но я сомневался, что от этих стрел защита поможет. Потому взмахом посоха просто отклонял летящие в нас чёрные снаряды влево и вправо. Волколаки увидели, что стрелы метать бесполезно и луки откинули. Зато десяток разом, как по команде, достали кривые ятаганы. Остальные просто опустили вниз руки с огромными когтями. Знавал я уже когти эти – острые, как бритвы и такие же смертоносные. Упыри такими когтями ратную кольчугу запросто пробивали.

Я пытался понять, кто из нечисти главный и вскоре вычислил его – колдун оборотень стоял чуть позади и с интересом рассматривал нас с Ведагором. Я махнул посохом и Рарог метнулся сверху вниз, ударил когтями одного из упырей и взвился вверх. Быстро взвился, но двое оборотней чуть не достали огненного сокола своими ятаганами. Вряд ли смогли бы ему нанести вред, но рисковать своим питомцем я не собирался – кто знает, какие руны у них на оружии? Слишком странными и непонятными были эти вороги. Да и неведомых врагов, которые ведунов славянских растерзали, я пока не видел. Правда, удар пламенного сокола оказался против упыря таким же результативным, как всегда – кровосос упал в траву и сгорел дотла, пожираемый изнутри огнём Рарога.

В это время колдун Кеген рявкнул что-то, и трое оборот-

ней сорвались и побежали вперёд, прямо на нас. Но я смотрел не на атакующих, а на степь возле колдуна. Ибо позади него прямо из земли появлялись и строились в ряд сразу два десятка Мертвяков – духов, замученных губительно и страшно. Вот только я даже не знал, что Мертвяки кому-то подчиняться могут. А колдуну Кегену они явно подчинялись, потому как по взмаху его руки кинулись следом за оборотнями на нас. Я остановился, выставив вперёд левую ногу и отведя посох правой рукой назад и приказал жёстко воеводе:

– Сзади стой! Помни, если крикну – беги!

Оборотни вырвались вперёд, но бестелесные духи быстро догоняли их. Впрочем, первый удар я направил сразу на всех. Только духи с оборотнями поравнялись шагов за двадцать до нас, выкинул вперёд посох, веером посылая вперёд ментальную силу. Мертвяков мой удар не раскидал, но притормозил, а вот оборотни будто и не заметили выброса, отчего я удивлённо моргнул. Впрочем, долго удивляться времени не было, потому как первый оборотень уже налетел, рубя ятаганом сверху вниз. Я подставил под лезвие наруч левой руки, а сам посохом ткнул нечисть, вкладывая в него силу. В этот раз при прикосновении всё сработало, как надо. Удар мой не просто остановил – проломил грудную клетку твари навывлет, а я выхватил посох из зияющей раны оборотня и отмахнулся от его подельника, накинувшегося слева. Отвёл ятаган, а Рарог в это время кинулся с неба и нанёс своими

когтями ужасный удар по лицу твари. Оборотень опрокинулся и завизжал пронзительно, корчась на земле и держась за сгоревшее практически дотла лицо.

Третий оборотень со страху, видимо, отбросил ятаган и бросился на меня с вытянутыми вперёд когтями. Но тут вступил в дело воевода, и его палица опустилась на шею твари...

Глава 5

Прошло всего несколько мгновений, а трое оборотней лежали мёртвыми. Палица Ведагора не просто сломала – раздробила хребет твари, и та издохла почти сразу. Мертвяки кружили шагах в тридцати от нас, но Кеген вновь заорал что-то лающее, и духи сорвались вперёд, окружая нас со всех сторон. Замысел колдуна был понятен: попасть сразу по двум десяткам целей в разных направлениях труднее. Кто-то да дотянется до противника. А там и остальные оборотни с упырями навалятся. Да только я оставаться на месте живой мишенью не собирался. Крикнул яростно Рарогу, чтобы духов бил, а сам кинулся к колдуну, посмевавшему нечистой волшебой Явь измазать.

Рарог заклекотал яростно и победно, заметавшись между духами, разрывая своими огненными клыками их призрачную суть, отчего те взвыли жутко. А Кеген растерялся. Пролаял своей свите что-то и кинулся бежать. Растерянные оборотни и упыри постояли мгновение и сдвинулись, решив до последнего прикрывать хозяина. Я разогнался так, что воздух начал обжигать, и потому, когда врубился в нечисть, тех просто разнесло в стороны. Я даже останавливаться не стал, кинувшись за колдуном. Но и тот ускорился знатно, причем, не со Сварожичем ему в скорости тягаться. Шагов через сто я Кегена догнал и ударил ментально в спину, направ-

ляя силу посохом. Только вот колдуна этот удар не обеспокоил, а только разозлил. Он обернулся ко мне и выхватил свой посох. Направил на меня и ударил чем-то тёмным, клубящимся. Я пытался отклонить эту субстанцию, как отклонял чёрные стрелы, но не смог! Мерзость врезалась в меня, и я почувствовал плесневелый холод и боль. Заорал дико, чувствуя, как немеет левая рука, пытался восстановить её, а колдун, злобно исказив лицо, выкидывал уже новую порцию мерзости.

И я остановился. Глянул на Кегена, на сгустки тёмной силы и призвал огонь. И не выдержал, как всегда, заорал от боли, когда сила, будто магма, пошла по моим жилам от сердца к конечностям. Выжигая тёмную заразу, укрепляя тело и делая его одним невероятным сгустком пламени. Вот теперь я увидел настоящий страх в глазах колдуна-оборотня. Кеген понял, наконец, кто перед ним. И попытался убежать. Но теперь уже слишком поздно. Я перетёк вперёд, за мгновение догнав мерзкого колдуна. Тот хотел ударить меня посохом, но я просто перехватил его, сжигая его вместе с правой рукой безумца, посмевавшего противостоять первозданному пламени. Сейчас я и сам был пламенем, ревущим, безумным, беспощадным. И если часть меня хотела допросить Кегена, то ревущее пламя просто клокотало от ярости, уничтожая тварь, посмевавшую противостоять ей. Я, призвав пламя, становился им, существуя лишь одним инстинктом – жечь и карать. И успокоился лишь тогда, когда выжег сердце и мозг

колдуна.

К полю битвы я развернулся ещё полыхающим, но быстро остыл, когда увидел, как Ведагор вместе с дружинниками добивают последних упырей. Заорал громко:

– Оставьте одного живого!

И славяне слышали. Балагур Колояр копьём пробил упырю живот, пригвоздив к земле, а десятник Белозар опустил занесённый было меч, которым собирался срубить кровосу голову. Я быстро пошёл к дружинникам, на ходу пытаюсь успокоиться, отогнать чувство боли и ужаса, приходящее ко мне вместе с пламенем. Именно потому не любил я эту свою огненную ипостась. Именно потому старался сражаться без применения пламени. Но, как и сегодня, получалось не всегда...

Упирь извивался, нанизанный на копьё и ревел утробно, пытаюсь вывернуться. Я присел над ним на корточки и силой пригвоздил к земле. Спросил, вливая в голос мощь своей ярости:

– Откуда пришли вы?

Упирь затих, посмотрел на меня и сказал, будто выплюнул:

– Тенгри вас всех покарает, ибо мы слуги его!

Ведагор, стоящий рядом, хмыкнул негромко и проговорил тихо:

– Даже не знал, что упыри говорить могут. Думал, бессловесные.

– То ты с ними не пытался разговаривать, – ответил я, поднимаясь на ноги. И спросил опять у упыря: – Откуда пришли? Скажи, и не будешь мучаться! Даю слово Семаргла!

Упырь задумался, облизнул густую чёрную жидкость, пузырящуюся в уголках его губ, и проговорил сипло, ухватившись обеими руками за древко копья:

– Хозяин Кеген обратил меня в степи, в стойбище, дав новую жизнь и новые силы!

– А сам хозяин откуда пришёл? – я спросил нарочито небрежно, уже не ожидая ответа. Вряд ли колдун откровенничал со своими рабами-обращёнными. Но упырь меня удивил. Чуть вскинул подбородок и проговорил:

– Хозяин пришёл из Атиля. А ещё раньше из Венедии.

– И он так просто тебе об этом рассказал? – удивился я.

– Хозяин любил рассказывать о себе, – просипел упырь.

Я вновь присел и кивнул приглашающе:

– Ну, поведай, о чём он ещё говорил. А я выполню своё обещание...

Назад мы возвращались спустя пару часов. Дружинники вначале срубили головы упырям и оборотням и, по обычаю, воткнули их на шесты, развернув в степь. Чтобы видел каждый с недобрыми намерениями, что ждёт его на земле славян. Ведагор хмуро рассказывал, что сразу пять селений загубил Кеген со своей сворой. И теперь надо будет чистить землю от расплзающейся заразы. Я предложил помощь, и воевода с радостью согласился. А потом спросил осторожно:

– Сварожич, а не посоветуешь, как нам с незримыми сражаться?

Я задумался на мгновение и ответил:

– В Путивле ведун сильный живёт. Пожилой уже, с дружиной не ходит. Но молодёжь обучит с радостью. Дивом его кличут. Направь к нему людей, пригласи в Вырь. Ежели плату хорошую пообещаешь – не откажет. Скажи, я просил. А он и отроков со способностями тебе укажет, и обучит их так, что с незримыми сражаться смогут!

Ведагор склонился почтительно и пообещал завтра же с утра отправить за ведуном людей. А мы, въехав в городище, отдали отрокам лошадей и пошли в палаты воеводские, праздновать победу над злом. Мёд в Выри делали отменный – терпкий, душистый, и такой, что в голову мягко толкается, но до дурости не доводит. И в этот раз дружинники не бахвалились своими подвигами – раз Сварожичей призывали – не изумели сами напасть одолеть. Чему тут бахвалиться? Хотя, зная я дружины, которые придавленную мышь так могли расписать, что любо-дорого послушать было. Но здесь, почти на самой границе с Диким полем, воины были не в пример молчаливее. Хотя мёд и им языки развязал, но они всё больше шутовствовали, да друг над другом подтрунивали, стреляя иногда глазами на девиц да жён, которые тоже за столами сидели. Возле меня тоже двух девиц посадили, молодых да упругих. Всё не теряли надежду, что вдруг да понесёт какая от Сварожича. Я не разубеждал, так как женщина – всегда

хорошо. Но то, что слишком другие мы – не говорил. Зачем разубеждать тех, кто в тебя верит? Да и женские ласки любили мы не меньше, чем люди. Ярило так и вовсе падок был настолько к этому делу, что мог в селении каком на месяц задержаться, пока всех молодух не перепробует! Был бы человеком, а не Сварожичем, давно бы камнями забили повесу. А так ничего, мирились. Потому как он хоть и искусства покровительствовал, но и воином был могучим. А когда ярость в нём разгоралась, то союзники его проникались вместе с ним духом воинским настолько, что впятеро сильнее становились. И десятком сотню могли стоптать, опрокинуть! Да и женщины любили Ярилу, чего уж говорить. А у славян женщины свой голос имели.

Глава 6

Ночь уже вступила в свои права, и темное небо будто повисло, прибитое сверху гвоздями-звёздами. Я торопился успеть под крышу, потому как ночевать опять под открытым небом не хотелось, а открывать портал в свои чертоги, а потом опять перекидывать сюда по метке-маяку – слишком хлопотно. И небольшому селению при дороге обрадовался искренне. Правда, придорожная корчма встретила меня вывернутой наружу дверью, и я даже с шага сбился, нахмурено глянув на это непотребство. Остановился, на мгновение, но всё же пошёл вперёд. Заглянул внутрь и увидел небольшую комнату-залу, в которой сидели за столом сразу трое молодцев. На хозяина корчмы они не очень походили – скорее, на разбойников. Наряженные в шелка, с золотой серьгой в левом ухе, трое молодчиков лениво пережёвывали ужин, и как только я вошёл, одновременно повернули ко мне головы.

– Здравы будьте, – я остановился на пороге и внимательно осмотрелся, – А хозяин корчмы где?

– И тебе не хворать, – тут же откликнулся один из троицы – в алой рубаше навыпуск, да со здоровым медальоном в распахнутом вороте. Ухмыльнулся задорно: – Хозяин в гости поехал, а нас попросил временно присмотреть за имуществом.

– Вот и наблюдаем, – кивнул второй – чернобровый, да

чернобородый, обликом напоминающий сонного медведя.

– А на постой пускаете? – я прошёл к ближайшему столу и плюхнулся на лавку, вытянув ноги, – И повечерять бы.

Троица переглянулась, и тот, что в алой рубахе кивнул, хотя и с сомнением:

– На постой оставайся! Любую комнату на втором этаже выбирай, все свободны! А повечерять... Ну, садись к нам за стол, колбаса есть, окорок, сыр. Да бражки нальём тебе, странник.

Я встал со скамейки и сел к странным знакомым хозяина корчмы.

– Меня Сёмой кличут, – представился степенно и потянулся к еде.

– Я – Гай, – насмешливо протянул парень в алой рубахе. Ткнул пальцем в медведеподобного и продолжил весело: – Это Станимир! А тот, плешивый смолоду – Завид!

Третий из компании, у которого на макушке и правда светилась лысина, цыкнул сквозь зуб на пол и демонстративно положил руку на рукоять сабли:

– А ты кто ж такой будешь, Сёма? Смотрю, один бродишь, к незнакомцам без страха заходишь. Не боишься драки до смертоубийства?

– Не, – мотнул я головой, вгрызаясь в мясо, – Я парень смирный. Ежели меня не трогают, то и я не убиваю никого!

Троица переглянулась и захохотала. Гай, отсмеявшись, проговорил с восхищением:

– Ты ещё и отчаянный, Сёма. А не хочешь к нам податься?

– Да драться ли он умеет? А то, может, только языком и горазд, – буркнул Завид.

– Не умеет драться – всяко применение найдём, – улыбнулся Станимир, – Палубу мыть будет, рыбку ловить. Мало ли работы нужной?

Гай глянул на своих товарищей и спросил у меня весело:

– Драться умеешь, Сёма?

– Приходилось, – кивнул я, – Но тут с кем сравнивать. Одним и в подмётки не гожусь, а другие и мне не соперники.

– А кому ж ты в подмётки не годишься, как думаешь? Из нас троих? – откинувшись на спинку скамьи самодовольно спросил Завид, глянувший с ухмылкой на своих подельников.

Я аккуратно взял рушник, лежащий на краю стола, вытер губы и взял кружку с брагой. Осмотрел внимательно всех троих и пожал плечами:

– Да вы трое, пожалуй, мне и на разогрев не сгодитесь! – посмотрел внимательно на вытянувшиеся лица щёголей и ткнул пальцем в Станимира: – Хотя, он, может, один удар мой и выдержит!

Гай покраснел вдруг и расхохотался. Похлопывая себя ладонями по коленям:

– Каков наглец, а? – восхищённо спрашивал своих друзей. Те, впрочем, веселья его не разделяли. Сидели, нахмурившись, и поглядывали на меня исподлобья. Думая, что дела-

ют это угрожающе. А я поставил кружку с брагой на стол и взял колбасу. Но тут Завид свою руку на мою положил, с силой придавив вниз:

– Погоди-тко жрать, Сёма. Так может случиться, что язык твой тебя не к добру привёл!

Я спокойно поднял руку и откусил кус, увидев, как от удивления поднялись вверх брови Завида. Ещё бы – он со всей силы мою руку к столешнице гнул, а я будто и не заметил. Завид попытался на себя мою руку потянуть, но я вновь спокойно откусил колбасы и потянулся к караваю, проговорив с набитым ртом:

– Три дня без хлеба!

Гай и Станимир удивлённо посмотрели на приятеля. Гай нахмурился чуть и спросил, уже не сильно веселясь:

– А кому бы ты в подмётки не годился вообще?

Я задумался, отломил краюху, откусил, вдыхая пшеничный аромат мягкого хлеба и ответил степенно:

– Да трудно так с ходу и ответить. Мало ли каких сущностей по миру шляется?

– Ну, а из известных тебе? – не унимался Гай, – Али всех победишь?

– На кулаках? – спросил я щёголя в шёлковой рубаше.

– Пушай на кулаках! – кивнул он.

– Ну, ежели на кулаках только, то Перун, пожалуй, меня одолеет, – с сомнением сказал я.

– Ишь ты, – хмыкнул зло Завид, – На Перуна замахнулся!

Ну, Сёма, здоров ты брехать! Не боишься, что мы тебя сейчас почируем за бахвальство твоё?

– А чего вас бояться? – ухмыльнулся я и вновь взял кружку с брагой. Но теперь за руку меня схватил уже медведеподобный Станимир. Напрягся так, что аж жилы на лбу вздулись, и попытался руку мою с кружкой на стол опустить. Я спокойно подержал руку на весу, пока Станимир тужился, а потом так же легко поднёс её ко рту и сделал хороший глоток. Станимир, выпустив мою руку, отскочил назад, опрокинув скамью, на которой сидел. Выхватил саблю и процедил хмуро:

– Уж не знаю, что за сила в тебе, но противу доброй стали любая сила не сдюжит!

Гай с Завидом тоже вскочили. И тоже сабельки достали.

– Ты богатырь? – напряжённо спросил щёголь в алой рубахе. Он уже совсем не улыбался, – Али ведун? У нас обереги в любом случае! Покрошим, как капусту в бочку!

– Сёма я, – спокойно сказал щёголям, поставив кружку на стол, – Представлялся же.

Потом посмотрел на напряжённую троицу и проговорил:

– А сабельки свои уберите, иначе накажу всех троих!

– Да чтоб тебя! – взвизгнул Завид и прыгнул вперёд, метя мне саблей в голову. Я даже с лавки подниматься не стал. Чуть в сторону наклонился, перехватил руку несдержанного парня, да резко вывернул, отчего хрустнула она, а сабелька, зазвенев, упала на пол. А я схватил напавшего за ворот, да

откинул так, что он в бревенчатую стену спиной врезался, да так и сполз по ней. Гай и Станимир смотрели на меня уже не с ненавистью, а со страхом. А я встал и спросил, тоже перестав улыбаться:

– Где хозяин корчмы, ушкуйники?

Глава 7

Сверху раздался властный голос, явно принадлежащий ватаману – то есть, главарю шайки:

– Это кто тут буяннить надумал?

По лестнице вперевалку спускался огромный мужик, сам себя шире. Пойди такой в воеводскую дружину – богатырём бы был. Так нет же – в разбойники подался, силушку свою на лихие дела растрачивая. А следом за ним ещё двое спускались. Один – чернявый, вёрткий и по силе явно ведун. Не самый мощный, но приличный. А второй – белесый, с блёклыми глазами и будто сонным выражением лица. Но гибкий, жилистый, с движениями резкими и быстрыми. Этот явно боец сильный, да ловкий. Я встал с лавки, отчего Гай со Станимиром ещё больше назад отступили, совсем в стену вжавшись. И Гай заговорил громко, будто страх отогнать пытался:

– Да заявился, батюшка Прокоп, да драться начал! – дрожащим, с деланной обидой голосом, проговорил Гай, – А мы его честь по чести за стол посадили, да потчевать изволили.

– И что же вы? – насмешливо изогнул бровь ватаман, – Встроём одному бока намять не смогли?

– Не успели, батюшка, – смутился Станимир, – Кабы чуть ещё...

– Дык может нам наверх подняться, а вы сами справитесь? – Прокоп хмыкнул и повернул ко мне голову на бычьей шее.

Так, гляючи и спустился вниз, встав шагах в пяти от меня: – А ты почто озоруешь? И как звать-величать тебя?

– Да я те же вопросы и тебе задать могу, Прокоп, – ухмыльнулся я, поглядывая, как ведун начинает силу собирать. Взял кружку с брагой, отпил спокойно и покачал головой, обращаясь к владеющему силой: – Не вздумай волшбу применить! Накажу сразу!

Ведун растеряно глянул на Прокопа, а тот нахмурился и заговорил раскатисто, заполнив густым басом весь зал:

– Да ты и впрямь шабутной, да неблагодарный! Тебя люди пустили...

– Не в своё жильё пустили, Прокоп, – проговорил я, вставая, наконец, из-за лавки, – Не вам и в неблагодарности корить. Оттого в последний раз спрашиваю – где хозяин корчмы?

– Змей! – бросил ватаман, не поворачивая головы. И белесый боец всё с тем же сонным выражением на лице сделал ко мне пару шагов и прыгнул вдруг, распрямив в прыжке ноги. Я вновь чуть сместился, схватил прыгнувшего ушкуйника за ворот, крутанулся вокруг себя, придавая ускорения и швырнул его в Прокопа. Надо сказать, что главарь ушкуйников и впрямь могучим оказался. Сумел поймать своего разбойничка, да ещё и на ногах устоял, лишь отшатнулся назад да на пару шагов отступил. Поставил аккуратно ошалевшего и пошатывающегося Змея на пол и захохотал вдруг:

– Хорошая шутка! Ты кто ж будешь такой, странник?

– Сёма я, – вновь представился. И щёлкнул пальцами: – Последний раз спрашиваю, где корчмарь. А потом убивать начну.

Ватаман посмотрел серьёзно, будто угрозу оценивая, и махнул рукой влево от себя:

– В подвале корчмарь сидит, живой и здоровый. Может, ребятки чуть бока помяли ему. А ты что так печёшься об нём? Сродственник?

Я мотнул головой:

– Душегубцев не люблю, которые зря кровь проливают невинную.

– Я на твой вопрос ответил, Сёма, – Прокоп покосился на прислонившегося к стене Змея и опять повернулся ко мне: – Может, и ты на мой вопрос ответишь?

Я глянул с ухмылкой на чернявого и подмигнул ватаману:

– А ты у ведуна своего спроси. Коли хороший он, то уж понять-то должен.

Прокоп повернул голову к чернявому и спросил требовательно:

– Ну, Хорь, что скажешь? Кто в гости к нам заявился?

– Сильный кто-то, – облизнув губы и отводя глаза сказал волшебник, – Даже силы его не вижу. Токмо пламя алое.

– Пламя, – поменялся в лице Прокоп, и вновь уставился на меня. И ватаманом его назначили явно не за одну силу, так как быстро сопоставил всё и спросил: – Уж не Семаргли ли полное имя твоё, Сёма?

– Так кличут, – кивнул я. И вновь на лавку уселся: – Скажи людям своим, пусть корчмаря выпустят. Да извинятся.

– Гай! – рявкнул Прокоп, и парня в алой рубахе будто ветром сдуло. А сам ватаман переступил с ноги на ногу и проговорил, притишая бас:

– Батюшка Семаргл, ты уж извини, что созоровали. Убыток корчмарю возместим, не сомлевайся. И сами дальше сей же час пойдём. Нам проблемы не нужны.

– Садись, Прокоп, напротив, – кивнул я ватаману, – Гутарить будем.

Прокоп оглянулся на подельников своих, осторожно прошёл и присел на скамейку напротив. Посмотрел на меня и спросил:

– Не случайно на нас выбрел, Сварожич?

– Не случайно, – кивнул я, – Знаю, что у древлян вы в розыске, да у полян. И Новеград от них не защитит, то ты сам знаешь, если надумают вас найти.

– Положим и так, – кивнул теперь Прокоп. В это время Гай вывел корчмаря, испуганно глядящего на ушкуйников, да на меня. Я отвлекся и проговорил хозяину заведения:

– Зовут тебя как?

– Мироном, батюшка, – поклонился корчмарь, блестя заплавающим глазом.

– Ты, Мирон, не переживай, добрые люди возместят тебе всё. Иди отдыхай! Утром за постой и за всё оплатят тебе!

Не глядя уже, как уходит быстро корчмарь, проговорил

Прокопу:

– Ежели со мной пойдёте – с родами, да их воеводами договорюсь – снимут с вас виру. Но впредь пообещаете у славян не буйствовать! Хватит вокруг, куда силушку направить.

– А пойти куда? – Прокоп смотрел пристально.

– А вниз по Волге. Подмога ваша понадобится мне.

Прокоп задумался надолго, а я его не торопил. Понятное дело – нужно обдумать ватаману – соглашаться ли. Знал, что Сварожич не на прогулку под луной приглашает. С другой стороны, ушкуйники и от опасности не бегали. Не той закалки люди. Ватаман глянул на Змея, на Хоря и хлопнул своей лапищей по столешнице:

– А подробности узнать?

– В Булгарию мне надобно, – пожал я плечами, – Да так, чтобы не раскрываться до поры до времени. У тебя дружина хорошая. Товары вы набрали. Вот и сплавали бы в Биляр поторговать. Вы ж там известны?

– Известны, – кивнул головой Прокоп. И ухмыльнулся: – А что нам будет взамен?

– Тебе мало избавления от виру? – удивился я.

– Ну, поляне с древлянами то ли поймают, то ли нет. Опять же, то ли мы их, то ли они нас. А тут, я так понимаю, и опасно может быть?

– Может, – не стал я спорить, – А может просто сплаваем, да назад вернёмся.

– Ну давай так: ежели просто сплаваем – виру снимаешь,

а ежели что посерьёзнее, тогда с нас одна просьба. Договорились?

– Ты ушкуйник или купец? – засмеялся я.

– Так и мы и купцы Велесу поклоняемся, – ухмыльнулся задорно ватаман.

Глава 8

Не любил я городов кочевников. Грязь, теснота, скученность. Даже улочки такие, что две подводы не разъедутся. Будто устав от ширины степи, старались болгары и прочие степняки в городах максимально друг к другу прижаться. Но Биляр от всех этих городов разительно отличался. Может, оттого, что стоял на месте ещё более древнего поселения, построенного незнамо кем, и незнамо, когда. А может, потому что болгары со славянами давно общались, насмотрелись, как правильно города строить. Потому и сам Биляр выстроен был кругом, с двумя кольцами стен. Одно кольцо поменьше – центр города защищало. А второе – поболее – раскинулось шире намного, и внутри него уже стояли дома горожан, да знати болгарской. Улицы, конечно, тоже не сильно широки были, не то, что у славян. Но и плечами не толкаться. Плюс, непривычен был вид их жилья, которое из глины лепили. Но тут и леса такого не было, как севернее и западнее.

Зато чистоту болгары блюли. Да и поклонялись не идолам каким-то, а Тенгри, Куару да Сунасе. Те с нами не враждовали, хотя и любовью не пылали. Нейтралитет хранили, в общем. И мы в дела бывших коллег не лезли. Всех под своим крылом не удержишь – захотели отколоться да своим умом жить – быть тому так, и не иначе. Сварог в этом деле спокоен был. Лишь бы мерзостей не делали, как некоторые, обрет-

шие силу при переходе. Случалось такое, что целые племена и страны кровью заливали. Тогда уже Сварог и реагировал, посылая нас увещевать сошедших с ума...

Впрочем, дела тех, кого люди называли богами, меня сейчас интересовали мало. Я искал в портовом квартале одного... старого знакомого. Заметил слежку за собой – сразу трое якобы нищих ходили по пятам, да делали вид, что просто бродят там же, где мне гулять надобно. Но от надоедливых наблюдателей я быстро отвязался. Зашёл в лавку, накинул на себя другую личину, да прошёл у них под носом в другом направлении. А потом опять поменял личину. И ещё раз. И только убедившись, что соглядатаи совсем меня потеряли, пошёл к порту. Там зашёл в лавку с пряностями и заговорил с торговцем, выясняя, где найти Емета.

– Почтенный Емет живёт на соседней улице, – торговец с интересом посмотрел на меня, – Но не уверен, что вас примет. Гости к нему давно не ходят, так как стал он чересчур подозрительным. Он даже животных врачевать перестал, отчего весь Биляр в тоске и расстройстве!

– Это отчего же? – спросил я купца. А сам, увидев, что тот колеблется, кинул на стол серебряную монету и ткнул мешочек с какими-то травами: – Мне вот это дай. И без сдачи.

Торговец просиял моментально, будто солнышко на него посветило. Серебряную монету сгрёб, а мешочек перевязал и с поклоном подал. А потом заговорил, понизив голос и тревожно поглядывая по сторонам:

– Здоровье у почтенного Емета плохое стало, поговаривают.

– Не может быть! – искренне удивился я.

Купец ещё раз оглянулся и сильнее понизил голос:

– Но мне кажется, что не в здоровье дело! – прошептал он, прищутив и без того узкие глаза.

– А в чём? – так же тихо спросил я, – Хотелось бы узнать догадки столь проницательного человека, как ты.

– Говорят, убить его хотели, – почти беззвучно сказал торговец. И даже голову в плечи вжал, – Вот и прячется он теперь в доме, почти не выходя на улицу!

– Емета? Убить? – я моргнул и неверяще посмотрел на купца, – Да он же мухи не обидит! Но сам в обиду себя не даст.

Купец развёл руками, соглашаясь с моими словами, но одновременно жестами и мимикой показывая, что так-то оно так, но вот что было, то было. Я кивком поблагодарил разговорчивого торговца и с тяжёлой душой вышел на улицу. Быстро разобрался, куда идти, и вскоре подошёл к крепкому особняку с глиняным забором. Ткнулся в калитку, но во дворе забрежал огромный пёс, рванул цепь, а следом за ним забрежали ещё три или четыре животных. И, судя по голосу, Емет держал не обычных животных, а изменённых им. В этом как раз он и был силен. И любили его потому, что он практически от любой хвори мог скотинку людскую вылечить. Поэтому почитали его, шли, как к родному. И уважали безмер-

но. А вот кому понадобилось вдруг убить коновала...

На собак изменённых я шикнул, и они заскулили дружно. Загremели цепями, пытаясь спрятаться. Зато скрипнула дверь, и от дома за забором послышался резкий, как свист плети, окрик:

– Кто?

– Старый друг, – громко проговорил я, – Емета увидеть хочу!

– Уважаемый Емет не принимает никого! – проговорил тот же голос, – Иди подобра, да поздорову, пока я собак не спустил!

– Так ты спусти, – предложил я, начиная злиться, – Спусти, да посмотрим, что делать они будут! А ежели не впустишь или не спустишь животин своих, так я сам войду!

Говоривший, видимо, только сейчас заметил, что все четыре огромные зверюги забились кто куда, да жалобно повизгивали. Замолчал, обдумывая увиденное, и спросил уже более настороженно, но покладисто:

– Как доложить о тебе Емету? Имя у тебя есть?

– А скажи, что Сёма пришёл, старый-старый друг! Он поймаёт!

Дверь в дом хлопнула. Потом опять. И я услышал шаги по двору. Чуть отстранился от калитки на всякий случай, а тот же голос с той стороны спросил напряжённо:

– Ты один?

– Один! Открывай, не бойся.

– Да я не боюсь, – калитка распахнулась, и на меня глянул крепкий, широкий мужик, не молодой уже, но и до старости жить, да жить. Мужик был в кольчуге, а руку держал на рукояти сабли. Осмотрел меня, выглянул на улицу, зорко глянул влево-вправо и подался назад, буркнув: – Заходи ужо!

Я шагнул в калитку и достал из сумы несколько кусочков вяленого мяса, пояснив встречающему:

– Животинок покормлю.

– Не берут они еду ни у кого, – пожал плечами степняк, закрывая калитку и накладывая щеколду.

Я тихо свистнул, и четыре изменённых собаки, видом более похожие на медведей, подошли, поджав хвосты и несмело взяли угощение с руки.

– Вон оно как, – уважительно хмыкнул степняк и потопал к крыльцу, кинув на ходу: – Пойдём к уважаемому Емету. Теперь и правда вижу, что старый знакомец.

Я погладил ближайшую зверюгу и потопал вслед за встречающим. В узких сенях тот буркнул мне:

– Меня Дересом зовут. Уважаемый Емет в той комнате, ждёт. Сейчас служанка чай принесёт, – и остался в коридоре, ткнув в дверь и скрестив на груди могучие руки.

Я тихо прошёл в небольшую комнату, и мне навстречу поднялся Емет. Я давно не видел старого приятеля и удивился, увидев перед собой постаревшего, осунувшегося и явно напуганного коновала. Поднял удивлённо брови и спросил:

– Что случилось, друг мой?

Глава 9

Терпкий чай драл горло, а Емет скорбно морщился и мелко жевал какую-то сладость из мёда и орехов:

– Вы там в лесах своих вовсе не знаете, что в мире творится, Сёма! – прочавкал Емет, отхлебнул из пиалы чаю и добавил: – Сварог мужик правильный. И могучий, чего уж там. Да только теперь такие силы просыпаются, что ему даже с вашей поддержкой не противопоставить ничего.

Я молчал, не мешая выговариваться, и поступал правильно. Потому как Емет после небольшой паузы добавил:

– Да что там просыпаются? Уже проснулись! – потряс рукой с пиалой, отчего чай расплескался на халат коновала, но тот даже не обратил на это внимания и проговорил: – Ты знаешь, что многие пережившие Переход так же, как и вы, объединились? На юге, на западе. Ваш пример оказался разительным Сёма!

Коновал тихо захихикал:

– Только вот они не просто объединяются, а растят силу свою методами разными. А ещё создают оружие. Которое силу увеличивает. Такие артефакты появляются у них!

– Сварог тоже создаёт, – пожал я плечами, – Сам знаешь, какая лаборатория у него осталась. Плюс, мастерские. Перуну, вон, секиру такую сделал, которая электричество его направляет. И если раньше тот по площадям бил, то сейчас

может молнии пускать!

– Молнии – это хорошо, – кивнул Емет. А потом спросил с интересом: – А что молния сможет сделать с элементом огненным, к примеру?

Сказал, и тут же сам себе ответил:

– Да ничего не сможет! А некоторые наши коллеги... бывшие, научились таких создавать. И пытаются сейчас под себя подминать всё и всех. И, поговаривают, ведут успешно эксперименты по возвращению.

– Да я про эти эксперименты уже какой век слушаю, – махнул я рукой, – Не нагнетай, Емет!

– Это я-то нагнетаю? – коновал сжал губы и выпалил: – А ты знаешь, что уже несколько наших от старости умерли?

Тут уже я действительно изумился. Подался вперёд и спросил:

– Это как? В боях гибли. При неудачных экспериментах, бывало. Но от старости... наших никого нет! Это я тебе точно говорю. И все в том состоянии, как во время Перехода. Уж не путаешь ли ты, друг?

– Не путаю, – тоскливо сказал коновал. А потом проговорил: – Ты сам знаешь, что я давно принял решение жить среди людей. И сам искал способ вернуть естественный ход старения наших тел. Да только за века привык уже к жизни, оказывается. И когда узнал...

Емет взял чайник, подлил себе в пиалу напиток и проговорил решительно:

– Испугался сильно! Тем более, стареют-то не сами. А, как я думаю, после манипуляций каких-то. И силу теряют, при переходе полученную...

– Каких манипуляций? – я прищурился и смотрел на коновала, прокручивая в уме, кто из бывших коллег мог такое вообще сделать, и зачем ему это понадобилось.

– Да если бы я знал, – развёл руками приятель. Посмотрел тоскливо в окно и сказал:

– Не знаю, как к вам, а ко мне приходили эмиссары. Только не признавались, от кого. И спрашивали, не хочу ли присоединиться. Мол, талант мой по генно-модифицированию очень им нужен. Я объяснил спокойно, что давно отказался от союзов, да и исследований новых не планирую. Эмиссары покивали, да ушли. А потом меня пытались убить...

Я осторожно поставил пиалу на стол и спросил:

– А пытался-то кто? Их-то узнал?

– Не наши, если ты к этому спрашиваешь, – покачал головой коновал, – А как раз изменённые какие-то. Двое. Могучие. Из чистой энергии. До сих пор удивляюсь, как ноги унёс. Шестерых моих зверей порвали за пару секунд. А я не смог даже сердца врагов почувствовать, чтобы остановить! Моя сила просто оказалась бесполезной! С живыми, Сёма! А это означает, что силу мою знают, к ней готовились. И я оказался беспомощен!

– И как выжил? – с интересом спросил я.

– Повезло, честно говоря, – Емет вновь схватил сладость

и стал жевать, причавкивая от удовольствия, – Саблей отмахивался, да одному изменённому отсёк лапу. А они сознанием, видимо, друг на друга завязаны были. Пока один от боли корчился, второй тоже завис. Тут мои зверушки оставшиеся и смогли порвать тварей!

Я удивлённо покачал головой:

– Психический симбиоз? А скорость? А вид? – я посмотрел на приятеля: – Выкладывай всё! Это ж и нам с ними столкнуться, может, придётся!

– Похожи на тигров, пожалуй, только саблезубых. Скорость страшная, но не предельная. Но вот шкуры у них толстые. И устойчивость к моему воздействию. Ежели б я сразу понял, может, сумел бы побороться. А так, пока пытался до их органов дотянуться – они моих зверушек рвали. На моих глазах...

А я вспоминал колдуна Кегена и думал – не могут ли это быть событиями одной цепи. И хотя Кеген грозился Тенгри, кто знает, кто на самом деле стоял за человеком, получившим вдруг большую силу? И не только получившим, но и сумевшим этой силой управлять, создавая упырей и оборотней. Впрочем, даже до нашего переселения сюда существовало в этом мире много существ страшных, сильных, неправдоподобных. И если бы не обрётённые нами при Переходе силы...

– Вот что, друг мой, – я махнул рукой Емету, – Давай-ка собирайся, да поедешь со мной!

– Куда это? – сощурился коновал.

– К Сварогу, – пожал я плечами, – Расскажешь ему всё, пусть заведующий лабораторией думает, что и как. Да и у нас защита будет. На базе у нас Перун, Стрибог, Ярило. Да и так десятка два ошивается тех, кто не в походах, да не в приключениях.

Емет задумался и отрицательно покачал головой:

– Нет, Сёма, я к вам не побегу! Я скоро из Биляра уйду совсем. Куда, прости, даже тебе не скажу. Но уж точно никто не найдёт! А я сейчас два десятка зверей изменяю. Ещё посмотрим, кто кого. А ежели уж совсем немоготу станет – то и вся ваша компания ни меня не защитит, ни себя. И тут уж лучше одному скрываться.

Я внимательно посмотрел на приятеля и проговорил:

– Изменился ты, Емет! Сильно изменился.

Коновал затравленно посмотрел на меня и огрызнулся:

– Все меняются и всё! Один ты такой же – простой да прямой. Но это до поры до времени. И тебя скривят. Если вообще жив останешься!

– Ну, тут уж будем посмотреть, – усмехнулся недобро я, – Но я уж точно прятаться ни от кого не буду.

Какое-то время мы посидели в молчании, и я спросил внешне:

– Как думаешь, Тенгри может за этим стоять?

– Да кто ж его знает? – тоскливо проговорил Емет, – Раньше сказал бы, что никогда! Всё же они с Куаром одни из са-

мых разумных были. Но сейчас, – коновал поставил аккуратно пиалу и решительно отодвинул сладости, – Сейчас я уже ни в чём не уверен!

– А обитает он там же? – я встал, понимая, что ничего путного от Емета уже не услышу и не узнаю.

Емет лишь молча кивнул и встал, чтобы меня проводить...

Глава 10

Степную дорогу и дорогой назвать было трудно – так, еле заметный след в бескрайних травах. Впрочем, степная коняшка, которую я позаимствовал в Биляре, спокойно находила этот след среди пахучих в последний день весны трав. Солнце здесь припекало нещадно, но я, на манер ушкуйников, намотал на голову белую косынку и лениво поглядывал по сторонам. Сзади меня ехали ватаман ушкуйников Прокоп, его ведун Хорь, да Гай со Станимиром. Когда я после беседы с Еметом пришёл к Прокопу и сообщил, что еду к Змеевым горам, ватаман сам вызвался сопровождать. Сказал, что не может одного из сварожичей одного отпустить, раз уж по рукам ударили. Хотя, думаю, главарю промысловиков-пиратов просто самому захотелось посмотреть на легендарные горы, где обитал бог болгар Тенгри со своим братом Куаром и сестрой Сунасой. Ни Куар, ни Сунаса, естественно, Тенгри родней не доводились – просто работали в одном из отделов менеджмента в своё время. Но сообщать об этом ушкуйникам, либо ещё кому я, конечно, не стану. Да и на просьбу Прокопа согласился сразу. Вряд ли ушкуйники смогли бы подсобить в чём-то серьёзном. А вот впятером ехать всяко веселее, чем одному болтаться по пыльной, прожигаемой солнцем степи.

Да и то слово, новгородские ушкуйники людьми были об-

разованными, да и неглупыми. Повидали много, с людьми разными поговорили. Оказывается, и на запад ходили «промышлять». И на юг даже дальше Биляра плавали. Особенно выделялся ведун ушкуйников Хорь. И грамоту знал. И счёт умел. Да и познания в ведовстве были такие, что многие воеводские ведуны позавидуют. Я не выдержал, спросил:

– Хорь, а почто ты к ушкуйникам подался? Работёнка опасная. Да и славы тут вряд ли сыщешь. Тебя ж любой воевода с удовольствием бы взял к себе в дружину!

Чернявый ведун чуть поморщился, повертелся в седле, а потом заговорил, старательно сдерживая быстрые слова, чтобы речь более размеренной получалась:

– Да пробовал я с воеводами. Скучно мне там. Простору нету!

Я покивал понятиливо, и ведун загорячился вдруг, будто боясь, что не так объяснил, либо не пойму:

– Мне на одном месте усидеть трудно! Скучно всё, тускло и неинтересно. А тут – походы постоянные. Люди новые. Невидаль всякая. Вот, помню, на юге с дэвами мы схлестнулись! Думал, отправят в Навь нас. Но нет, сдюжили. И прямо жизнь красками играет потом. И вспомнить есть чего.

– Дэвы – да! – смущённо хмыкнул Прокоп, – Ежели бы не Хорь тогда – полегла бы вся ватага наша!

– Это где ж вы с ними встретились? – удивился я. Знал, что эти гиганты, появившиеся здесь много раньше людей, были в своё время настоящим бичом этого мира. Помнится,

и мы много сражались с этими тварями, пока не истребили их полчища. А оставшиеся враз поумнели – разбрелись кто куда и уже не ходили разорять людские селения.

– Да-а-а, – смущённо протянул Прокоп, – На юге далеко. Ажно за первым морем! Послушались местного, который сказал нам, что пещера есть там с сокровищами, да сунулись. Очень уж злата-серебра захотелось.

– А того не подумали, – хохотнул Гай, – Что ежели б легко можно было забрать сокровища, то их бы и не было давно.

– Задним умом все мы крепки, – смущённо пробасил Прокоп, и повёл плечами так, что тихо звякнула кольчуга. Впрочем, сам же рассмеялся, признавая, что промашку совершили, и принялся рассказывать: – Прибыли мы к горам, начали пещеру ту искать с сокровищами, да и нашли...

– Только вместо сокровищ на нас два дэва выскочили, – рассмеялся Хорь, – Уж как мы удивились и обоср... обделались, в общем!

– Они тоже удивились, – расхохотался Гай, – Ну-к, еда сама к столу пришла.

Теперь уже ржали все ушкуйники, вспоминая страшное приключение.

– Так как победить-то смогли дэвов? – с интересом спросил я их. Одно дело, когда существа с силой с гигантами сражаются – и совсем другое, когда люди обычные. Пусть и с ведуном. Потому как силища у дэвов действительно страшная. Магией владеют А кожа толстая настолько, что её и меч

с копьём не пробьют.

– А Хорь одного силой в ущелье толкнул, – тут же ото-
звался Гай. А второго ватаман наш палицей по кумполу удо-
сужил! Тот упал, ну мы в голову и натыкали железяк! Туло-
во-то такое, что и не проткнуть, а вот в глаза, да в уши вты-
калось оружие.

Я восхищённо покачал головой и проговорил уважитель-
но:

– Сильны, бродяги!

Прокоп даже подбоченился в седле и любовно потрогал
свою палицу, висящую сбоку. Даже Хорь заалел от смуще-
ния. Всё же сам Сварожич похвалил, не абы кто. Однако,
долго наслаждаться похвальбой не вышло. Слева в степи
я заметил какое-то движение и обеспокоенно посмотрел в
ту сторону. Слишком необычным показался объект. Кинул
плетение, но оно вдруг за полверсты до цели рассыпалось,
не успев ничего показать. Я нахмурился обеспокоенно, вы-
тянул вперёд левую руку и призвал Рарога. Когда огненный
сокол сплёлся из золотых нитей прямо в воздухе и рухнул
на наруч, ушкуйники восхищённо выдохнули. А я остановил
коня и произнёс негромко:

– Лети влево, смотри, кто там!

Рарог заклекотал и взмахнул своими огненными крыль-
ями, взмывая вверх. Пара мгновений – и он уже летел, на-
бирая высоту, к странному объекту. А я стал смотреть его
глазами и увидел странное завихрение. А когда сокол при-

близился, охнул и соскочил с коня. К нам приближались два сгустка огня, принявшие облик, чем-то напоминающий людской, но без ног. Структуру создания я рассмотреть не мог подробно, но мог поклясться, что она состоит из чистого пламени.

– Что там, Семаргл? – встревоженно спросил Прокоп.

Я на мгновение смешался. Думая, как объяснить ушкунникам, что такое элементали, но быстро нашёлся:

– Духи огня! Двое! И очень сильные. Летят прямо к нам.

– Что нам делать? – в этот раз спросил Хорь. Оно и понятно. Если и мог кто хоть чем-то помочь, так это ведун. Хотя, против таких сущностей и он бессилен. Я, честно признать-ся, думал, что последних элементарей мы много веков назад уничтожили. Но два из них летели прямо к нам. И я заговорил быстро, отбрасывая повод:

– На месте оставайтесь. Если увидите, что... В общем, если не я к вам возвращаться буду – пробуйте убежать.

Я пошёл навстречу элементалям, глядя на них глазами Рарога. Сокол кружил над сгустками первозданной стихии, имеющими зачатки разума, и яростно клекотал. В чём-то он был похож на них, вот только его структура была более чистой и упорядоченной. А я же, не желая вновь впускать в себя огонь, пытался нащупать структура элементарей, как делал это много лет назад, при битве на Волоке, когда наш отряд встретил целую армию Изначальных. Тогда моё умение здорово помогло в битве. А весь мир узнал, что Сварожичам

удалось то, чего не мог сделать никто – остановить, наконец, огненную смерть, выходящую сквозь кратеры вулканов...

Только вот в этот раз нащупать структуру элементарей не удавалось. Хотя, сущности приблизились достаточно близко, чтобы я хорошо уже видел их каркас!

Глава 11

Я будто чувствовал жар их тела, схожий с всепоглощающим пламенем, проходящим через мою суть, но так и не смог вмешаться в их каркас. Попробовал ударить ментальным тараном, но элементали даже скорость не снизили. Лишь рябь пошла по их телу, да они чуть разошлись в стороны. И тогда я заорал дико, предчувствуя боль, и впустил в себя стихию. И когда пламя поглотило меня, превращая кровь в магму, перестраивая мои клетки, ринулся навстречу, гудя от ярости и боли. Элементали, будто удивлённые, остановились, но вновь кинулись вперёд, даже не пытаясь вступить в контакт. Я ударил по тому, что справа, и того откинуло. Он пролетел по степи, сжигая травы, оставляя за собой дымящий, чёрный след. А тот, что слева – врезался в меня. Я пошатнулся, но устоял, выкинул вперёд руки и ухватил сердцевину каркаса, сминая её и вырывая наружу. Элементаль заорал дико, в каком-то ультразвуковом диапазоне, пытался вырваться, но угас, рассыпался искрами. А я тут же кинулся к правому, который только-только взлетел над степью. Он пытался уйти, но верный Рарог спикировал сверху и ударил когтями, оставляя глубокие борозды в мерцающем теле сущности.

Элементаль изогнулся, пытался ударить сокола, но тот с яростным клёкотом поднялся вверх и атаковал вновь, раздирая верхнюю часть сущности, отчего из ран хлынуло пламя.

Я подскочил и вновь погрузил руки внутрь, ухватил каркас, но элементарь заорал вдруг:

– Поговорим!

Я вырвал каркас и, глядя, как осыпаются искры могучей некогда сущности, произнёс бесстрастно, невольно подражая голосу бушующего пламени:

– Поздно...

А потом был мучительный переход назад. Я, чтобы не закричать в присутствии ушкуйников, содрогнулся и сжал кулаки так, что ногти воткнулись в ладони. Потом медленно распрямился и окинул взглядом степь. Больше не увидел ничего подозрительного. Выдохнул, успокаиваясь, и взял повод лошадки, который мне протягивал Гай.

Ушкуйники делали максимально бесстрастные лица, но я видел, насколько поражены люди, которые не сталкивались с нашей силой и даже не представляли, что это такое. Однажды я слышал балладу, которую пел сказитель обо мне, и она, наверное, немного описывает то, как люди видели трансформацию со стороны. Если коротко, то сказитель описывал процесс так – Семаргл вдруг окутывался пламенем, таким, что глазам больно смотреть. А потом не просто управлял огнём, а становился им. Я много раз хотел посмотреть процесс трансформации со стороны, глазами Рарога. Но всегда забывал, плаваясь от невыносимой боли.

– Поехали к Змеевым горам, – хмуро сказал я, чтобы прервать неловкое, затянувшееся молчание. У меня всё более

зрело подозрение, что за всем этим может стоять Тенгри. Но чтобы убедиться в этом, нужно было встретиться с ним лично. Хотя и мелькала мысль запросить помощь братьев – Перуна, Стрибога или Велеса, мысль эту я отогнал. Если Тенгри ни при чём, а мы заявимся целой командой – вместо разговора получится сеча. Слишком хорошо я знал характер и повадки своенравного и вспыльчивого коллеги. Поэтому лишь стиснул крепче зубы, да прищепил низкорослого степного коня, стремясь поскорее разобраться со всеми непонятками.

Степь позади нас, в месте схватки с элементами, дымилась. Но я знал, что сейчас, в конце весны, когда травы слишком напитаны влагой – не загорится. Потому не стал терять время на тлеющую растительность. Зато поднимающийся в небо дым стал виден на Змеевых горах и мне навстречу прилетела... Сунаса.

Эту девушку, совсем ещё юную, я в отличие от многих помнил даже в прошлой жизни. Гибкая, грациозная и невысокая Сунаса была олицетворением женственности. Прекрасно танцевала и была заметна на всех корпоративах. И не раз становилась причиной раздора и даже хмельных драг. Говорят, даже здесь двое из наших, изменённых, схлестнулись из-за Сунасы в бою. Но забыли, что вместо кулаков у них страшная сила и... погибли оба, чуть не разрушив остатки института. Сам я в это время был далеко, потому не могу судить, насколько правдивы те слухи, потому как подробно

об этом никто старался не говорить. Но, чёрт побери, я понимал погибших. Многие из нас получили возможность менять своё тело, и почти все наши женщины воспользовались этой способностью, чтобы улучшить себя. Все, кроме Сунасы. И я понимал её, так как совершенно искренне считал карглазую девушку настоящим совершенством. И сам, будь капельку безрассуднее, мог бы кинуть вызов любому ради одной улыбки женственной повелительнице воды. Впрочем, Сунаса сделала выбор и ушла с Тенгри, помахав остальным своей изящной ручкой...

Та, которую люди называли богиней воды, подлетела к нам на водяном покрывале, напоминающем детские санки. Мягко опустилась на землю и взмахнула рукой, развеивая своё средство передвижения. Я спешил, подошёл к Сунасе, чувствуя себя неуклюжим мужланом и поцеловал протянутую руку:

– Я рад тебя видеть, Сунаса...

– И я рада тебя видеть, Сёма, – тёмные глаза её блеснули влажным, и она тихо освободила свою руку, которую я забыл выпустить. Ушкуйники, тоже спешившиеся со своих лошадей, почтительно склонили головы.

– Славяне, – посмотрела на них богиня, – Гордые даже со всемогущими. Сварог хорошо воспитал это племя!

– Он никого не воспитывал, Сунаса, – улыбнулся я, – Обучал – да. Но не воспитывал. Как добывать и ковать железо. Как обрабатывать дерево и глину. Их характер – лишь их за-

слуга, ничья больше.

Сунаса махнула рукой, не желая вступать в спор и проговорила мило:

– Пройдёмся? Салазки я развеяла, а здесь слишком далеко до реки, чтобы я смогла создать ещё одни.

Та, которую здешние жители считали богиней, взяла меня под руку, и мы неторопливо пошли по степи, будто прогуливались по набережной. Сунаса, смешно морща носик, спросила меня тихонько:

– А что там случилось в степи, что горит всё и пылает?

– На меня напали двое элементарей огня, – решил я не скрывать причины, чтобы посмотреть на реакцию девушки.

– Ох, – воскликнула Сунаса и крепче схватила меня за руку. Если изумление и было сыграно, то она – величайшая актриса из всех, кого я знал. Но я почему-то понимал сейчас, что удивление Сунасы не наиграно. И она действительно не знала, что меня по пути в их обитель подстерегают сущности. Впрочем, это не убирало моих подозрений в отношении Тенгри. Тот мог просто не ставить в известность своих соратников об игре, какую он затеял. А Сунаса помолчала чуть и сказала: – Странные дела творятся последнее время, Сёма. Очень странные и пугающие!

– Ты вторая за два дня, кто говорит мне об этом, – усмехнулся я.

– А кто первый? – живо поинтересовалась девушка.

– Емет, – я не считал нужным что-то скрывать от Сунасы.

Хотя и знал, что она дословно передаст весь наш разговор своему... избраннику.

– Хорошо, что он жив, – серьёзно ответила Сунаса, и посмотрела на меня тревожно: – Ведь он жив?

Глава 12

Змеевы горы всегда возникали практически неожиданно. Какое-то время казалось, что вокруг только степь, и вдруг ты замечаешь, что часть степи вспучилась ближе к горизонту. И чем ближе ты подходишь – тем выше кажется этот нарыв на ровной глади равнины. По-хорошему, эти горы и горами не являлись. Так, крупные холмы, белеющие известью, да поросшие клоками зелени. Говорят, много веков назад, когда Тенгри только-только облюбовал это место, в этих холмах-горах жили давние обитатели этого мира – наги. Покоя от них не было никому, будь то животные, либо люди. Много кочевников погибло возле Змеевых гор, остановившись здесь, на берегу полноводной реки, чтобы разбить стойбище да отдохнуть от дальних переходов. Ночью из туннелей, не заметных никому, выползали четырёхрукие чудища со змеиными туловищами и собирали страшную жатву из убитых людей и животных. А потом разрубали тела и утаскивали мясо под землю. И уже через пару дней на месте ночного побоища не оставалось даже следов трагедии.

Племена болгар несколько раз пытались сразиться с нагами, так как те перегораживали путь дальше, на запад. И каждый раз терпели поражение. Тогда они обратились к Тенгри. И бог неба схлестнулся в страшной схватке с обитателями подземелий. Сам я той битвы не видел, но Стрибог говорил,

что Тенгри тогда взял не столько силой, сколько хитростью. Понимал, что если сунется в подземелья, то там даже его силы и мощи не хватит, чтобы противостоять тысячам злобных тварей, испокон веков живущих под землёй. И тогда вместе с Сунасой они заставили реку хлынуть в норы, и за пару дней Волга затопила подземные жилища нагов. А тех чудищ, что выползали из холмов на поверхность, уничтожали Тенгри, Куар, Улем, Сунаса и их товарищи. Но даже в непривычных для себя условиях наги собрали страшную жатву. И из двадцати обладающих силой выжило лишь семеро. В том числе Тенгри.

В итоге богу неба так понравились холмы, что он сделал их своей постоянной резиденцией. А дворец нагов, находящийся под землёй, Тенгри обустроил по своему вкусу и поселился там. Перун всегда шутил, что есть наивысшая ирония в том, что бог неба живёт под землёй. И предлагал Макоши, богине земли, поселиться в облаках для сохранения равновесия. Макошь в ответ лишь улыбалась и молчала. Она вообще мало разговаривала. И до сих пор тосковала по семье, оставшейся там, в другом мире.

Когда мы подошли к горам, появился и сам Тенгри. И сделал это как всегда – шумно, с помпой. Образовал вокруг себя воздушный кокон, заставив с помощью влаги переливаться его всеми цветами радуги, и слетел сверху, плавно остановившись шагах в десяти. Кочевники, стоящие перед горами стойбищем, восторженно заорали, заулюлюкали, падая ниц

и касаясь лбами земли. Ушкуйники опять ограничились поклонами. Тенгри глянул на них, чуть поморщился, но тут же нацепил на лицо улыбку и пошёл навстречу, распахивая руки для объятия:

– Племянник мой Семаргл! Как я рад тебя видеть! Как здоровье брата моего Сварога?

Теперь уже поморщился я. Когда Тенгри успел записать меня в племянники, а нашего заведующего лабораторией в братья – только нагам, сгинувшим в Нави, известно. Видать, играл на кочевую публику, поклоняющуюся ему усердно и с превеликим почтением. А тут, конечно, братом может быть только глава пантеона. Тьфу ты, название-то какое! Но раз уж хочется Тенгри поиграть в богов, то я с удовольствием. Мои шуточки только Квасур переплюнуть мог. Оттого я тоже раскинул руки, заорал истошно-счастливо:

– Дя-а-а-адюшка-а-а-а! – и кинулся обнимать узкоглазого повелителя местного неба.

Тенгри опешил поначалу, чуть в сторону не кинулся. Да от меня не убежишь. Облапил я его и давай тискать. И ору погромче, на публику:

– Папенька мой – Сварог Родович – привет велел передавать, да пирожки! Да вот беда, дядюшка, пирожки через неделю завонялись, так я их собачкам скормил! Две собачки из пяти выжили, а вот три сдохли от тех пирожочков. Ах, как я жалею, что не донёс тебе это вкусное угощение, дядюшка Тенгри!

Повелитель неба аж пятнами пошёл, отшагнул назад и демонстративно ладони о штаны вытер. А я повернулся к Сунасе и давай ещё громче орать:

– Тётушка Сунаса, а тебе бусы нёс! Да нитка порвалась – рассыпались по дороге бусинки! А они – из чистого золота! Аккурат в двух верстах на восток от Биляра! И каждая бусинка – в кулак величиной. И всего их там было две дюжины! Валяются теперь в траве!

Смотрю, кочевники, мою речь расслышав, кинулись к лошадям, да давай их бегом седлать, да в дорогу собираться. А Тенгри ещё сильнее поморщился, буркнул что-то себе под нос и кивнул подбородком на ушкуйников:

– А это кто?

– А это, дядюшка Тенгри, друзья мои из Новгорода!

– Тоже пирожки несли? – криво усмехнувшись, решил пошутить повелитель неба.

– Да что ты, дядюшка любимый? – воскликнул я, – Эти бы пирожки тебе обязательно донесли, как бы те не воняли. Они бражку несли, да медовушку. Выпили, подлецы, всю! Вчера последнюю допивали вечером. Может, что и осталось, да только в них самих если! Уж даже предлагать не буду. Продукт вторичной переработки, сам знаешь – не лучший напиток для повелителя неба!

– Паяц, – вновь поморщился Тенгри. Видимо, и сам уже не рад был, что племянником назвал! А нечего меня в родню, не спросив, записывать. Но сокрушался повелитель неба

недолго. Махнул рукой: – Ладно уж, пошли, гостем будешь!

Оглядел задумчиво ушкуйников и крикнул громогласно:

– Асен! Приглашай гостей из Новгорода в шатры! Накорми, да напои, пока я с... – Тенгри поморщился чуть, замаялся, но добавил решительно: – С племянником Семарглом беседовать буду в чертогах!

– Дяденька, – воскликнул я так, что лошадь под Асеном вздыбилась, а бедный малый грохнулся прямо на землю. Вскочил ошалело, посмотрел на меня диким взглядом, а пёс его и вовсе завыл дурниной. Я же, ничуть не смущаясь, продолжил: – Почту за великую честь отобедать со столь прославленным... родственником!

– Не перегибай, – вновь поморщился Тенгри. А Сунаса, наоборот, хихикнула, цапнула меня за руку и проговорила жеманно:

– Пойдём, племянничек! Попотчует тебя!

– Ага, – буркнул Тенгри, – Деликатесами.

– Это жабами, что ли? – в притворном ужасе воскликнул я. Повелитель неба аж остановился. Глянул на меня удивлённо. Даже Сунаса и та ойкнула и спросила шёпотом:

– Почему жабами?

– Так деликатесами ж, – пожал я плечами, – Забыли, что называли этим словом ТАМ?

Тенгри захохотал и произнёс довольно:

– Ну, обойдётся без жаб и прочих гадов. У нас деликатесы более привычные к желудкам. Сейчас попробуешь, как

повара наши стараются.

Сунаса промурлыкала:

– Или вам, как северным варварам, может, жабы и попри-
вычнее уже?

Отвечать повелительнице воды я не стал, пожал плечами
неопределённо и направился вслед за ней и Тенгри на горы.
Я пока так и не смог определить – стоял ли за атаками на
меня и других пришедших в этот мир он, либо кто-то другой.
Хотя, из меня и психолог так себе, конечно, как бы странно
это ни звучало, принимая во внимание мою профессию.

Глава 13

Я посматривал на линию обороны Тенгри и удивлённо качал головой. Тут были и ежи противотанковые, и рвы всякие. Плюс магические ловушки. И везде – бойцы из племени болгар, увешанные амулетами. На второй горе я даже заметил нечто прозрачное, струящееся в воздухе, и с удивлением посмотрел на Тенгри.

– Да экспериментирую, – самодовольно махнул он рукой в сторону прозрачных сущностей: – Пытаюсь создать что-то вроде элементарей воздуха.

– Вот как, – протянул я. А Сунаса, видимо, уловив что-то в моём голосе, тревожно глянула на своего начальника и проговорила напряжённо:

– Те, на Сёму в степи напали элементали!

Тенгри остановился резко, развернулся ко мне, впери в меня свой взгляд, и спросил требовательно и быстро:

– Как это было?

– Эпично, – сказал я, внимательно отслеживая реакцию повелителя неба: – Летели-летели в мою сторону и бац! Напали!

– Воздуха? Элементали воздуха?

– Нет, огня, – проговорил я, и Тенгри выдохнул вдруг, но глаза сузил ещё больше, – И почему мы должны верить в то, что так было на самом деле, а не в то, что ты придумал эту

сказочку, чтобы втереться к нам в доверие?

– Это зачем мне к вам в доверие втираться, Те? – удивился я, – Мы и так хорошие соседи. Конфликтов между нами не было...

– Ты не поверишь, что я сейчас скажу, – сказал бывший начальник отдела менеджмента, сделав глубокомысленную паузу.

– О том, что странные дела творятся в последнее время? – усмехнулся я. И увидел, как дрогнуло лицо Тенгри. Мы как раз подошли к обеденному залу, сели за стол, и повелитель неба приказал слуге:

– Двери запереть! Сюда никого не пускать. И пусть Куар придёт! И Улем, если здесь!

А потом повернулся ко мне и сказал:

– Ну, рассказывай!

Я спокойно рассказал Тенгри всё, что случилось со мной за последнее время, при этом внимательно наблюдал за его реакцией. Впрочем, по хитрожопому менеджеру и в старые времена не определить ничего было, а сейчас за века он и вовсе научился скрывать свои мысли и эмоции лучше Карачунов. Потому, по его невозмутимому хлебалищу я так ничего и не понял. И всё время задавал себе вопрос – а если Тенгри действительно стоит за всеми этими нападениями? И старением пришедших из нашего мира? Вдруг, нашёл секрет какой-то, как устранять соперников, решив стать единственным и неповторимым во всём этом мире? А я, получа-

ется, взял и сам припёрся в самое логово врага. Тенгри, будто прочитав мои мысли, спросил, ухмыльнувшись:

– А не боялся к нам идти? Вдруг мы и есть те самые, про кого Емет рассказывал?

Сунаса сокрушённо покачала головой, явно не одобряя слова своего руководителя, а я пожал плечами беспечно:

– Сварог знает, куда я отправился. Случись со мной что – и укрепления не помогут вместе с элементами. Сам знаешь.

– Ну, тут бы я поспорил, – Тенгри пытался добавить себе веса, – Но спорить не буду, нет смысла никакого в этом. Потому как нас и самих, кхм, заботит эта ситуация. К нашему пантеону никто не обращался, и это тоже очень странно.

– Ну, у вас и пантеон-то – из десятка разумных, – улыбнулся я.

– Почему же из десятка? – хмыкнул Тенгри. И проговорил самодовольно: – Некоторые изначальные, живущие здесь задолго до нас, признали мою власть и вошли в пантеон.

– Ого, – округлил я глаза в притворном изумлении. Не говорить же зазнайке, что с нами давно сотрудничают все духи и сущности, обитающие к северу от его владений.

– А к вам обращались? – тут же спросил повелитель неба.

– Ну, ко мне точно нет, – пожал я плечами, – Сварог тоже ничего такого не говорил. Думаю, для него откровения Емета тоже сюрпризом стали.

– А как вы общаетесь на расстоянии? – с интересом спро-

сил Тенгри.

Я лишь улыбнулся, показывая, что на этот вопрос отвечать не собираюсь. Впрочем, повелитель неба и сам всё понял, поднял вверх руки в примиряющем жесте и проговорил:

– У каждого свои секреты, Сёма. Понимаю, не настаиваю.

Тут в зал вместе со слугами, несущими подносы с едой, ворвался Каур, который при переходе так же, как и Перун обрёл способность к электричеству. Уж что он забыл с Тенгри и Сунасой – даже не знаю. Хороший парень, подающий надежды физик. Но вот смотри ты, спутался с менеджерами. Мы с Куаром обнялись, так как приятельствовали ещё в прошлой жизни. Я знал его хорошо ещё до перехода. Приятельствовали неплохо. В баре даже могли пивка попить после работы. Да и здесь Куар всегда вёл себя со мной подчёркнуто дружелюбно. Вот и сейчас, плюхнувшись рядом, наполнил кубки вином и закричал:

– За Сёму! Нашего гостя и друга!

А когда выпили, огорошил меня вопросом:

– Скажи мне, как ты после перехода из одного состояния в другое умудряешься одетым оставаться? Одежда же сгореть должна к чёртовой матери!

Я отхлебнул терпкое вино и пожал плечами:

– Сварог выдвинул гипотезу, что я превращаю в молекулы огня в том числе и то, что со мной соприкасается. А потом так же трансформирую обратно. Или не молекулы. Это ты с ним поговори. Я гуманитарий, а не технарь! Это вы там

заумное понимаете.

– Мне бы так научиться, – вздохнул сконфужено Куар, – Я во время экспериментов, бывает, так одежду прожигаю...

Наклонился ко мне и зашептал доверительно:

– Перед почитателями неудобно!

– Или почитательницами, – засмеялась Сунаса.

– Или перед ними, – кивнул, улыбнувшись, болгарский бог грома.

Мы славно посидели и неплохо набрались. И я всё больше убеждался, что Тенгри и его пантеон точно не причастны к странностям, происходящим с перешедшими в этот мир. А когда язык уже начал с трудом ворочаться, я задал наконец, давно мучивший меня вопрос:

– Слушай, Куар, а почему ты с нами не остался? Сварог же предлагал!

Приятель мой икнул, и вдруг подмигнул мне и сказал:

– У вас уже был Перун с такими же свойствами. И тут либо я был в тени его, либо ходили бы, как одноййцевые близнецы и народ смешили.

Я представил, как Перун и Куар бредут вместе и захохотал, расплескивая вино из кубка. Рядом пьяненько захихикал Тенгри. А потом начал мне втолковывать:

– Искусство, ик, разговаривать, ик, с людьми и убеждать, ик! Это вам не в лаборатории ковыряться! – и горделиво выпятил грудь.

Сунаса посмотрела на него с улыбкой и сказала:

– Поспи, милый!

Тенгри выключился, будто по мановению волшебной палочки. Я тут же выпучил глаза и посмотрел вначале на Сунасу, а затем и на Куара. А тот расхохотался и заговорил:

– Сунаса уже знает, когда Тенгри заснёт от выпитого, не удивляйся. Никакой магии здесь нет!

– Эх, ребята, – я облокотился на стол: – Кто же мне скажет, что происходит, и где концы искать? Не хотелось бы, чтобы ударили в спину.

Сунаса вмиг стала серьёзной и сказала:

– Мы тоже не знаем. Но встревожены не меньше! Один из наших... умер от старости...

Глава 14

Бильяр вновь встречал многоголосьем, звоном молотов, криком всяческой скотины и людской разноголосицей. Ушкуйники мои выглядели неважно. Всю ночь вместе с Асе-ном и другими кочевниками Прокоп со своими товарищами пили вино, а теперь мучились головными болями. Гай даже спросил однажды:

– Семаргл, а ты не можешь нас вылечить?

У меня голова тоже чувствовала себя неважно, гудела как вечевой колокол и соображала плохо. Потому я лишь усмехнулся в ответ и отрицательно покачал больной частью тела. Гай тяжело вздохнул и потянулся за флягой. Впрочем, когда подъехали к столице булгар, все более-менее пришли в себя. И в ворота въезжали уже порозовевшими. Я хотел ещё раз переговорить со старым лучшим другом Еметом, да отправляться к Сварогу с докладом. В конце концов, он старший. Аналитик. Пусть у него и болит голова, пусть он и разгадывает все эти загадки. А мы со Стрибогом и остальными, кому надо в нужный момент по голове дадим. Но планам моим не суждено было сбыться в полном объёме. На улице, где жил Емет, я увидел столпотворения, и, холодея от страшного предчувствия, кинулся туда. Растолкал толпу и уставился на выгоревший дотла дом моего друга.

В это время местные дружинники вытаскивали из дома

сразу три обгоревших тела. Обгоревших до такой степени, что даже не понять было – мужчины или женщины. Я хмуро посмотрел на то, как дружинники складывают останки на тележку и подошёл к старшему. Тот было зыркнул на меня, но я ему предъявил бляху, которую мне Тенгри выдал, и старший сразу вытянулся передо мной, как суслик перед удавом.

– Что тут произошло? – спросил я сухо, всё заглядывая во двор и пытаясь увидеть зверюг, которые встречали меня в прошлый раз.

– Нападение было, по всей видимости, – старший дружинник всё ошалелым взглядом косился на бляху, и я убрал её в карман. А тот продолжил: – Уважаемого Емета и его охрану убили. А потом и сожгли.

– А звери его где? – во рту вновь пересохло, но в этот раз не от похмелья, а от горечи. Емет был одним из самых близких друзей, которого я знал с детства...

– Да во дворе побитые лежат, – доложил болгарский начальник. Я кивнул ему ещё более хмуро и развернулся назад. Вышел через толпу к ушкуйникам и проговорил резко:

– Возвращайтесь без меня!

Гай хотел что-то спросить, но Прокоп глянул на него, и парень тут же закрыл рот. А сам ватаман пробасил:

– Ежели что, Сварожич, мы готовы помочь.

Я посмотрел на ушкуйника и покачал головой:

– Я к Сварогу, так что помощь не нужна. Плывите назад, с племенами порешаю вопрос, как и обещал!

За стены Биляра я вышел пешком. Конь мне был не нужен. Отошёл подальше в степь, от людских глаз. Стиснул зубы и призвал силу. Заорал привычно, чувствуя, как трансформируется тело. Как разливается огонь, корёжа нервные окончания. Только в этот раз я не оставался в человеческом обличье. Вызвал Рарога, а тот привычно коснулся огненным крылом. И я ухватил структуру, подстраиваясь, выпуская крылья, преобразуя тело в птичье. Шагнул вперёд, взмахнул этими самыми крыльями и полетел. Сварог говорил, что мне для полётов в этом состоянии вовсе не нужно походить на птицу. Это мой мозг цепляется за привычные образы. Пусть так, но в образе сокола я чувствовал себя в небе увереннее. Правда, скорость у меня была вовсе не соколиной. Я помнил, пусть уже и смутно, реактивные самолёты старого мира. И летел не медленнее них. Может, даже быстрее.

Вначале держался русла великой реки, а потом, когда увидел холмистую гряду, привычно повернул налево. Воздух свистел вокруг меня, гудел. А я наслаждался полётом, забывая на время о чудовищной боли, которая приходила вместе с использованием силы. А рядом летел Рарог и время от времени что-то клекотал, подбадривая. И наслаждался нашим совместным полётом.

Я начал всматриваться вниз, снижаясь над густым лесом. Вот тропка, что ведёт из чащобы в мир людей. Вот озеро в виде почти ровного треугольника. А вот и холмистая гряда, где и выбросило нас тогда сюда, испуганных, ошалевших,

растерянных. Я резко спикировал на ровную площадку, и когда лапы коснулись земли – трансформировал тело назад, а после и вовсе перешёл в обычное состояние. И тут же увидел Святобора, покуривающего свою неизменную трубку. Святобор силу получил уникальную – он умел мгновенно трансформировать растения. А ещё получил уникальную возможность управлять животными. Уж над ним точно ни один лесовик не засмеётся. Этих изначальных выкормышей он держал в строгой узде, сделав из лесовиков целую сеть шпионов и помощников.

Я подошёл и присел рядом со Святобором в тенёчек. Тот молча протянул мне трубку. Я подумал, принял её, затянулся, тут же закашлялся и отдал обратно. Уж не знаю, что там курил повелитель лесного царства, но явно не табак обычный. А Святобор глянул, как я сажусь прямо на землю, пошевелил пальцами, и тут же из земли вылезли какие-то корни, образовав вполне приличное кресло. Я сел в это кресло и вытянул ноги.

– Тебя Сварог искал, – произнёс наконец Святобор.

– Сейчас пойду, – кивнул я, продолжая сидеть.

Святобор чуть помолчал и спросил:

– Что нового в мире?

Я неопределённо пожал плечами и произнёс максимально бесстрастно:

– Кто-то начал на нас охотиться. Перемещённые умирают от старости. Другие гибнут, – я вновь взял трубку у повели-

теля леса, затаился и проговорил, выталкивая из себя дым:
– Емет погиб.

– Это какой Емет? – заинтересовался Святобор, – Из отдела доставки? Рыжий такой?

– Биохимик, тёмный, в годах уже, – мотнул я головой, – Который, помнишь, всё за Сунасой пытался ухаживать? У него сила сродни твоей была. Только он животных трансформировал...

– Биохимик-биохимик, – забормотал Святобор и мотнул головой: – Не помню!

Я махнул рукой и поднялся:

– Тут твои лешие совсем оборзели. Один надо мной насмеялся, когда я в лесу бандитов гонял. Ещё раз повторится – буду их наказывать!

– Чувство юмора – отличительное качество каждого разумного существа! – назидательно поднял палец вверх Святобор, – А самоирония – признак высшего разума. Ты, Сёма, просто тёмный ещё. Расти и расти тебе.

Я сжал кулак, выпрямил средний палец и ткнул под нос Святобору:

– Я смотрю, лианы тебе в мозг проросли, Боря! Сколько пальцев видишь?

Кресло подо мной вдруг резко исчезло, и я плюхнулся пятой точной на землю. А где-то вверху в кроне заухали-засмеялись сразу несколько леших. Я поднялся с земли, сплюнул зло и сказал:

– Ну, как знаешь, Боря! Решил в пакости поиграть? Это я люблю и умею!

Святобор сразу натянул на извиняющую лицо улыбку, знает, шельмец, что со мной в этом только Квасур на равных состязаться может. Приветливо заговорил:

– Что ты, Сёма? Ну, пошутил я малость. Не злись! Лешим обязательно скажу, чтобы не смели насмехаться.

– Поздно, Боря, – мстительно сказал я и пошёл ко входу в Правь...

Глава 15

Лес здесь был хмурым и неприветливым. А уж я лесов на территории славян каких-только не повидал. И хвойные, ближе к северу, когда зелёным пятном на белесой земле раскидывается бескрайний бор. И лиственные, дубовые, где обитают кабаны выводки, да преет под деревьями перегной, обволакивая терпким запахом. Святобор вообще утверждал, что у каждого леса свой нор и своя душа. Но вот если в одних лесах – она чистая и светлая, то здесь явно с червоточинкой. Деревья какие-то гнутые, искорёженные. Ветви скрюченными пальцами тянутся во все стороны. А между деревьев кусты колючие, да репей. И постоянно влажная земля, жадно чавкающая грязью при каждом шаге.

Радогост шёл между деревьев осторожно, впрочем, руки на оружии не держал. Значит, пока опасности впереди не было. Уж что-что, а опасность Радогост чуял не за версту да же, а вёрст за десять. И способность у него была особенная. Не зря его племена славянские богом войны прозвали. Да и то слово – оружие Радик любил без меры. Вечно обвешан им был, как кобель репьями. И ножи, и мечи, и метательные снаряды. Но главное – сражаться всем этим у Радогоста получалось очень уж изумительно и замечательно. Потому Сварог частенько именно его отправлял на опасные задания. Ну, а мы со Стрибогом уже шли, как подстраховка и тяжёлая

артиллерия. Тем более, с мертвяками и оружием справиться можно было. Это не Карачун и не Лихо.

Бог войны остановился и поднял руку. Мы со Стрибогом, притомившись уже шагать по хлюпающей земле, послушно остановились и синхронно тяжело вздохнули. Трое Сварожичей идут мертвяков разгонять. Виданное ли дело? Но Сварог особо настоял на этом. Хотел ещё и Перуна с нами отправить, но мы уже возмутились! Мертвяк – человеку обычному, может, и опасен. А нам он что сделает? Сила ментальная, волю человека парализующая, на нас не действует. Вида их полуразложившегося мы тоже не боимся. Оружия против нас у них нет. А вот наше оружие мертвяков на раз разносит! Тем более, сделал мне Сварог, наконец, копье, позволяющее силу огня контролировать и направлять. И не надо было трансформироваться и муки испытывать.

Радик послушал чуть лес и вновь махнул рукой, предлагая дальше следовать. И тут я Белую Бабу увидел. Уже я вскинул руку и уставился на призрачную деву требовательно, мол, что принесла? Та рот открыла беззвучно и руками своими взмахнула, будто пыталась сказать что-то. А Стрибог спросил шёпотом:

– Что увидел, Сёма?

– Белая Баба, – ответил я другу. А Радогост, который, как и Стрибог, духов не видел, спросил с плотоядным интересом:

– А правда, что они голые совсем? А какая она? Сиськи

большие? Стоячие? Или вниз, как я люблю? Размер как яблоко, али как дыня?

Белая Баба посмотрела на Радика, будто рябью пошла вся, а потом вновь повернулась ко мне и принялась бесшумно говорить что-то. Я силился прочесть по губам, да не мог никак. Проговорил тихо:

– Смерть впереди?

Белая Баба кивнула скорбно и руки развела в стороны, показывая, что много смерти.

– Далеко? – требовательно спросил я. И дева призрачная покачала головой. А потом просто растворилась между деревьев. Мелькнула где-то вдалеке и вовсе пропала.

– Так что там по сиськам? И что она сказала? – спросил Радик.

Я задумчиво посмотрел на бога войны, вздохнул и ответил максимально бесстрастно:

– Сказала она, что клинок у тебя маловат, про сиськи её спрашивать. Вот, говорит, вдвое от нынешнего отрастишь, потом, мол, и отвечать можно!

Стрибог заржал в голос, отчего вспорхнули несколько птиц с ближайших деревьев. А повелитель воздуха, поправив свою белокурую шевелюру, подмигнул Радогосту:

– Не печалься, Радик! Мы не расскажем никому, как тебя призрачная баба отшила!

Радогост вспыхнул, проговорил нам:

– Дураки вы! – развернулся и зашагал дальше. И тут же

провалился по пояс в какую-то жижу. И сразу со всех сторон полезли мертвяки. Их были даже не десятки – сотни. И меня на миг взяла оторопь, а потом захлестнул страх, переходящий в ярость. Первые мертвяки полезли к Радикю, но тот и по пояс в жиже был страшным противником. Как-то сумел выхватить два меча и начал хлестать ими вокруг себя, срубая полусгнивших покойников. Те падали беззвучно, продолжая даже в посмертии тянуться к Радогосту. А бог войны изогнулся весь и сумел-таки выскочить из топи. И тут уже развернулся вовсю, превратившись в смертельный вихрь. Но... вновь провалился по пояс. Стрибог, гикнув, ударил влево, откидывая пару десятков мертвяков. Я повернулся вправо и увидел, что и с этой стороны бегут вперевалку смрадные твари. Наставил копьё и ударил огнём, спалив сразу несколько посмертных.

Огонь через копьё лился свободно, легко. И не расходился во все стороны, а бил чётко в цель. Я, будто в тире, стал бить по мертвякам, но тех становилось всё больше. На месте сгоревших вылезали другие. Вдруг заорал яростно Радогост, я повернулся туда и увидел, что он уже по грудь в жиже. Стрибог рванул к собрату, выхватил Радика из болота и приземлил рядом с нами. Мы стали спина к спине, и тут я увидел чёрное марево странной силы, сродни силе духов. Разбираться с тем, сможет ли это марево нам повредить – не стал – направил на силу непонятную копьё и ударил пламенем. Вот только пламя пролетело через тёмное мерцание,

даже не потревожив. Стрибог, увидев это, выпустил в марево воздушный таран, но и он помог мало. И когда чужая волшебба от нас было всего в нескольких шагах, среагировал Радогост. Схватил нас обоих за шкуру и откинул с пути волшебы. Сам тоже отпрыгнул, но одну ногу чёрная мерзость ему всё же зацепила, и Радик упал с диким, безумным криком на землю. Я с ужасом увидел, что штанина бога войны будто сторела, а нога почернела, вспучилась волдырями и нарывами. А справа летело ещё одно такое же пятно.

– Отбивайся сам! – крикнул Стрибогу и заорал дико, выпуская в себя силу огня и одновременно призывая Рарога. Пламенный сокол застрекотал грозно и кинулся вправо, разыскивая угрозу. А я, трансформировавшись и крича от боли, кинулся следом, сжигая мертвяков, посмевавшихся встать у меня на пути. Рарог показал картинку – на холме среди деревьев стояли сразу два Карачуна с посохами и целились ими в нас, выпустив ещё сразу два мерзких заклинания. Теперь, в огненном состоянии, я спокойно принял на себя чёрные сгустки и растворил их. А потом кинулся к Карачунам. Изначальные, правившие этими лесами задолго даже до нашего появления, заметили меня, но оказалось слишком поздно. Я догнал вначале одного и ударил сзади, сминая плоть. Своими руками прожёг ему спину, сжигая позвоночник и внутренние органы. В ярости разорвал оставшееся туловище на части и кинулся ко второму.

Но второй Карачун удивил. Он не стал убегать, поднял

свой посох и ударим им. Я, привыкший, что мне никакое оружие в таком состоянии повредить не может, спокойно шёл на врага. Но удар посоха пришёлся в лицо, я ощутил боль и опрокинулся наземь. В голове зашумело, будто от удара профессионального бойца. Я замотал головой, пытаюсь прийти в себя, а Карачун шагнул вперёд, занося посох над собой для очередного удара.

Но тут выручил Рарог. Пламенный сокол, яростно заклекотав, кинулся сверху на нечисть и ударил когтями в лысую голову, оставляя страшные борозды. Карачун заорал дико, выронил оружие и схватился руками за раны. Те начали быстро затягиваться, и когда Рарог вновь спикировал, Карачун ударил уже по нему. И пламенного сокола откинула на десяток шагов. Тут уже я вскочил и кинулся к нечисти. Карачун потянулся за посохом, но не успел! Мои руки вошли в его плоть, прожигая грудную клетку и гнилое сердце...

Глава 16

Мы со Стрибогом сидели в коридоре медблока и посматривали на дверь операционной. Сварог, сукин сын, сумел сохранить почти весь корпус нашего института практически в первозданном состоянии. И не только сохранить, но и привести кучу инноваций, сохранив стерильность, чистоту и прочее. Иногда, возвращаясь из очередного похода, я любил побродить по этим коридорам. И тогда казалось, что никакого Перехода не было, что сейчас я выйду на улицу, а там шумная улица с тысячей машин, сморщенными газончиками и расфуфыренной цивилизацией. Но выходил я в Явь. И видел бескрайние леса, чащобы, племена, примитивные настолько, что на планшет они смотрели, как на божественное чудо.

Стрибог настороженно кашлянул, я приоткрыл глаза и посмотрел на него вопросительно.

– Как думаешь, – тихо спросил он, – Жива сумеет спасти Радика?

Я неопределённо пожал плечами, не собираясь строить предположения. И тут дверь в операционную отворилась, и оттуда вышла наша медичка. Сняла устало перчатки, запачканные кровью, бросила их в мусорное ведро и повернулась к Сварогу, вышедшему следом:

– Ногу регенерирую! Через неделю уже будет прыгать. Но

образцы, пожалуйста, отправь на анализ в лабораторию. Первый раз с такой дрянью сталкиваюсь. Повезло, что шалопаи успели его так быстро доставить! – наша медичка упорно называла меня и Стрибога шалопаями. Хотя местные почитали нас, как богов. Впрочем, ей, худенькой, миниатюрной, но со стальным характером, мы готовы были прощать всё. Ей при переходе досталась уникальная сила – лечебная. И каждый из нас десятки раз был обязан ей жизнью. Начиная с самого момента Перехода, когда мы, зачастую изломанные, деформированные и умирающие от невыносимых мук стояли в коридорах института, так как не в силах оказались даже орать от навалившейся на нас боли. Именно Жива тогда очнулась одной из первых. Смогла привести в порядок себя и кинулась к сотрудникам. И ставила на ноги одного за другим.

Когда она тогда добралась ко мне, её и без того большие глазюки казались ещё огромнее, так осунулось и посерело её лицо. Я даже о своей боли забыл, настолько пронизало меня чувство жалости к этой хрупкой, но нестигаемой девушке. А она движениями рук вправляла мне торчащие неестественно кости, успокаивала боль своими прикосновениями и шептала-шептала, что всё будет хорошо. И я помню, с какой яростью мы крушили дэвов, когда узнали, что они чуть не убили нашу Живу, устроив засаду на лесной дороге. Хорс, страшный в своём гневе, единственный раз на моей памяти полностью принял свою суть – и это было воистину ужасаю-

ще! Когда он вошёл в одну из пещер, свод не выдержал и обрушился, но Хорс спокойно выбрался из-под обломков, похожий на рваный чёрный вихрь, и вновь кинулся на дэвов, уже и не помышлявших о сопротивлении. Этот день и стал началом конца цивилизации жестоких гигантов. Мы уничтожали их везде, прекратив всяческие попытки договориться. Но самым ярким моментом той войны стало наше возвращение. И радостная новость о том, что наша врачевательница выжила и идёт на поправку...

Потому на «шалопаев» мы не обижались. Слишком часто по дурости влезали куда-то, а Живе приходилось нас лечить, латать, регенерировать. И на любого, кто косо посмотрел бы на нашу миниатюрную богиню жизни, готовы были обрушить всю свою силу и ярость! Да, мы умели уже и сами лечиться, даже изменять своё тело, отчего многие сотрудники давно сделали себя эталонными красавцами и силачами, а сотрудницы – пышногрудыми красавицами с осиными талиями. Но были вещи, которые сами вылечить мы оказывались не в силах. Слишком ещё недружелюбен был тот мир, в который мы попали. Ну и добро помнили все.

Стрибог, заискивающе улыбаясь, проговорил:

– Живочка, солнце моё, а как нам впредь от этой напасти уберечься?

– Не попадать под удар, – хмуро ответила она, но, увидев, как расстроился мой друг, сказала чуть теплее: – Позже скажу, когда лабораторные исследования будут готовы! Дрянь

редкостная! Похоже на старое заклинание личей, с которыми вы бились пару сотен лет назад. Но, будто мутировавшее. Или заражённое грибокком каким-то.

Потом Жива остановилась рядом со мной, наморщила лобик и произнесла:

– Да, вот что вспомнила! Сёма, если следующий раз такое случится, а противоядия не будет – просто сожги поражённую конечность в месте заражения! Чтобы зараза не распространялась. Конечность я помогу регенерировать без проблем. Но зараза эта даже по нашим организмам распространяется очень быстро. В итоге, пока вы Радика привезли – у него уже вся нога оказалась заражена. Пришлось отрезать по самые... кхм...

– А если в голову попадёт? – тут же спросил друг.

– Сёма, если Стрибогу в голову попадёт – отжигай без сомнения, – подал голос Сварог, – Я уверен, что Жива ему намного лучше прежней башку отрастит! В этой очень уж мусора много!

Я весело заржал, глянул на покрасневшего повелителя воздуха и спросил:

– Так, может, не ждать, пока в него попадут какой-нибудь дрянью? Я могу и сейчас оттяпать! А Жива пусть отращивает ему новую, более умную?

Стрибог погрозил мне кулаком, а Сварогу проговорил хмуро:

– Ладно-ладно! Запомню!

Сварог тоже рассмеялся и проговорил дружелюбно:

– Не злись! И спасибо, что Радика быстро так доставили. Пойдёмте, расскажете, что там было. с таким мы не сталкивались, надо остальных предупредить!

Отчитались мы быстро, но, как оказалось, Сварог нас приглашал не за этим. Посмотрел на нас внимательно и... достал бутылку вина. Плеснул по стаканам, мы выпили, прямо посреди каких-то колб и пробирок, ибо даже в своём кабинете Сварог умудрился устроить лабораторию. А потом наш заведующий заговорил:

– Уже несколько раз обычные, казалось бы, нападения на людей, когда мы приходим на помощь, превращаются в настоящие побоища! У нас за пару лет погибли Костя, Михаил и Слава.

Я залпом опустошил стакан с вином и сам потянулся за бутылкой. Впрочем, Сварог опередил, тут же налил ещё по одному стакану и проговорил:

– Оттого, Сёма, я так внимательно спрашивал тебя обо всех подробностях. Самое паскудное, я пока не пойму, кто за этим стоит! У нас было больше тысячи сотрудников, все они разбрелись по миру. Многие почитаемы, как и мы, населением. И как они изменились за это время – не понятно.

– А может, это и не наши вовсе? – осторожно спросил Стрибог.

– Может, и не наши, – легко согласился Сварог, – Но я вообще не представляю, кто за этим может стоять! А также

не представляю целей.

– А чего тут представлять? – удивился я, – Явно, что нас хотят перебить. Делают это разными, довольно изощрёнными способами. Емета, вон, убили в собственном доме! И сколько ещё погибло – никто не знает! Мы с кем вообще общаемся? Ну, с соседями, и то изредка. А кто далеко ушёл – знать не знаем, живы они вообще, или нет. С чем столкнулись, и что вообще происходит. Здесь пять континентов, но мы где были, кроме своих лесов?

– Потому я вас и позвал сейчас, – прокашлялся Сварог...

Глава 17

Солнце рассыпалось солнечными зайчиками через могучие кроны, нависшие над лесной дорогой. Мы ехали втроём: я, Стрибог и Радогост. Коней выделило соседнее племя, почитавшее Сварога пуще жизни, потому скакуны нам достались отменные. Мощные, красивые. Радик, как всегда, ехал чуть впереди, а мы со Стрибогом на полкорпуса сзади, когда увидели на выезде из леса заставу, а рядом десяток витязей. Стрибог удивлённо поднял брови, но смолчал. А вот Радогост оживился, подбоченился в седле и вальяжно подъехал к ошетилившимся копьями славянам.

– Чьего воеводы люди будете? – спросил наш задира.

– А тебе что за печаль? – ответил единственный, кто не потянулся к оружию. Мужик огромный, грудь – как бочка. Нечёсаная борода торчит вперёд и вниз, а глаза из-под кустистых бровей смотрят вроде как даже весело. И то, узнать в нас тех, кого славяне богами кличут – невозможно. Одежды мы просто. Оружие тоже простое на вид. Вот и отвечает огромный мужик спокойно, не подобострастничая: – Ты суму к осмотру предъяви, да поезжай себе мимо, опосля того, как дань уплатишь!

Радик спрыгнул с коня и осмотрел девятерых бойцов с копиями, да богатыря, у которого на поясе палица огромная висела, корягу дубовую напоминающая. Ухмыльнулся и спро-

сил:

– Это кому же я дань задолжал?

– А тебе не сообщили? – хохотнул огромный мужик. Посмотрел на своих дружинников, будто шутку предлагал свою оценить, и проговорил благодушно: – Князю нашему Володимеру! А то взялись бесплатно ездить по своим делам всяк, кому не захочется. А нам дороги надобно ремонтировать. Стражу содержать, чтобы с вами по дороге не приключилось чего.

– Да с нами, кроме вас, и не приключалось ничего по дороге, – промолвил Стрибог, тоже соскакивая с коня. Я же оставался в седле, с интересом рассматривая старшего заставы. Мужик был не только физически силен, но и обладал силой, сродни силе леших или дэвов. Не ведун, но с магическими способностями, вплетёнными в тело. Оттого, я поспорить мог, что он десяток своих бойцов сам раскидает без напруга. И даже после дерзкого ответа друга моего благодушность богатыря не покинула. Он хмыкнул весело и задорно, и пророкотал-проговорил:

– Потому и не случилось, что мы стоим. Ажно не стояли бы – и случилось бы обязательно!

А Радик уже брови нахмурил, на мужика глянул криво и спрашивает:

– А коли не заплатим?

– То развернётесь и восояси поедете, – всё так же добродушно пробасил богатырь.

– А ежели не заплатим и вперёд поедем? – Стрибога ситуация явно веселила, но он сдерживался максимально и делал серьёзный, и даже немного испуганный вид.

– Ну, этого точно не будет, – покачал головой старший, – Либо платите и проезжаете, либо назад поворачиваете!

– Так платить-то за что? – начал горячиться Радик, – Боги учат вас, сиволапых, что надобно по Правде жить!

– Ты богами не тычь, – миролюбиво проговорил старший, – И Правда не нарушена нигде. Князь наш издал указ, что ежели кони тяжелее трёх пудов, то надобно за проезд на них уплачивать пошлину. Потому как копыта таких коняшек сильно землю прогибают. Растения всякие портят. Будем ваших коняшек важить, али сразу заплатите?

– Да ведь лошадей легче трёх пудов не сыскать! – засмеялся Стрибог.

– А это не наши проблемы, люди добрые! – ответил старший, – Нам сказано – пошлину брать – мы берём! Не хотите платить – разворачивайтесь!

Радогост растерянно оглянулся на меня, но я прятал улыбку и махнул ему рукой, мол, сам договаривайся! Я Радика понимал – сражаться со своими же последователями – глупо. Но если заплатить за явно выдуманную причину – да потом вся Правь над тобой ржать будет! Признаваться в том, что Сварожичи – ну так не поверят. А доказывать им, что силой обладаем... Тоже позорище. Да и Радик уже удила закусил, не хуже, чем кони, тяжелее трёх пудов. Потому бешено по-

вернулся к старшему и проговорил, сдвинув брови:

– Ты, служилый, уберись с дороги, а мы проедем! Нам князь твой не указ. Да и ты тоже!

– Ты вот ежели коня покажешь легче трёх пудов, то мы поговорим, – тут же включился в разговор и Стрибог, решивший не оставаться в стороне.

– Ну, у нас такой коняки нету, – развёл руками богатырь, – Оне у печенегов обитают. Понями называются. Но вы по темноте своей не слыхали небось. Да и не услышите. Но за то, что я вас научил новому, пожалуй, ещё гривну заплатите!

Радогост от гнева аж пятнами пошёл. Открыл было рот, чтобы ответить, но вместо слов оттуда лишь шипение вырвалось. Но Радик всё же взял себя в руки. Успокоился и спросил:

– Это тоже в указе князя сказано?

– Это по Правде ежели, – богатырь явно наслаждался ситуацией: – Сказано ведь, что за услуги платить надобно. А я вам услугу сделал? Сделал! Про поню рассказал! И про указ князя! Вот и оплатите за благо.

– Слышишь, поня бородатая, – Радик протянул конский повод Стрибогу и шагнул вперёд, отчего девять бойцов синхронно подняли копыя, – Я тебе рыло сейчас начищу – и это будет услугой тебе! Уроком. И за него ты мне заплатишь.

– Ты? Мне? Рыло? – бородатый расхохотался и весело посмотрел на Радогоста. Веселье его было понятным – Радик от него раза в полтора поменьше. Да и богатырём не смотрится.

Рост – средний. Телосложение – тоже. А главный страж отсмеялся гулко и приказал дружинникам: – А ну-к, опустите копыя! Пусть наглец попробует мне рыло начистить!

И откинул от себя шипастую булаву. Радик тоже ремень с мечами снял, кинул на траву. Достал из сапог ножи, металлические кресты, да стилеты. И наклонил голову влево-вправо, так, что позвонки хрустнули. А старший заставы сжал кулачище, который размером с голову Радогоста был, и шагнул навстречу богу войны. Я тоже спешил и, увидев бревно, присел на него, приготовившись к зрелищу и доставая из сумы вяленое мясо и лепёшку. Стрибог присел рядом, отвинчивая крышечку с фляги с вином. Хлебнул сам, передал мне и спросил с интересом:

– Как думаешь, сколько бородатый продержится?

Я хмыкнул, и, зная, что магический каркас богатыря Стрибог не видит, сказал:

– Ежели Радик силу не применит, то я бы на бородатого поставил! Глянь, ручищи какие!

Друг мой глянул на меня удивлённо, хмыкнул, забрал флягу, из которой я только-только отхлебнуть успел, и проговорил:

– Договорились! Хочу светильник, какой ты Живе подарил пять вёсен назад! Чтобы горел и не тух годами!

Я на секунду задумался и сказал:

– А я тогда хочу летательный ковёр!

– Сдурел? – удивился Стрибог, – У меня их всего два!

Один мой, а второй Сварогу сделал! Его знаешь, сколько надо конструировать?

– Боишься? – усмехнулся я, и Стрибог попался, протянул с азартом руку и сказал: – Согласен!

В это время Радик сошёлся в бою с богатырём. Подскочил быстро, хотел было ударить, да только бородатый детинушка и сам быстрым оказался. Удар блокировал и долбанул сам. Да так, что Радогост еле на ногах устоял. Но на пару шагов, всё же, отступил. Удивлённо потряс головой и снова в бой кинулся. Стрибог понял вдруг, почему я так охотно пари заключил, да было поздно. Радик активировал свою силу и удар богатырю нанёс мощнейший, отчего детинушка назад отлетел саженой на пять и плюхнулся на землю. А я мигнул Стрибогу, прошептав: «Коврик гони!».

Глава 18

Радогост стоял над поверженным богатырём и спрашивал участливо:

– Как зовут тебя, детинушка неразумная?

Девять бойцов князя Владимира от греха подальше зашли за бревно и опасливо посматривали оттуда. На всякий случай копья на нас больше не направляли. Сделали вид, что просто опираются на них. Могучий мужик закричал, приподнялся на локте и с сожалением посмотрел на прогнанный в месте удара доспех. Качнул головой и проговорил:

– Илья я, батюшка. А ты кто будешь?

– Я Радогост, может, слышал про такого? – весело представился бог войны. Теперь уж не зазорно назваться было. Да и вся его ярость улетучилась вместе с победой нам богатырём. Теперь Радик тешил своё эго. Повернулся к нам и принялся в нас пальцем своим тыкать: – Вон тот, рыжий – Семаргл. А рядом с ним Стрибог.

– Сварожичи, – прошептал испуганно один из бойцов. И тут же кинулся отодвигать бревно, стоящее заслоном посреди дороги. Ему кинулись помогать оставшиеся, а Илья встал, поклонился Радик и заговорил степенно, хоть и кривился от боли:

– Спасибо, батюшка Радогост за науку оказанную! Баяли мне люди, что всегда на силу бóльшая сила найдётся, а я не

слушал, надсмехался. Впредь умнее буду. А за речи мои не гневись, таков уж порядок у нас!

– И ты прости, ежели чего, Илья. Надеюсь, не сильно тебя помял!

– Меня-то нет, – усмехнулся богатырь, – Да вот доспеху досталось. Теперя чинить надобно!

Тут же повернулся к бойцам своим и прикрикнул:

– Чаво раскудахтались? А ну, на стол накрывайте, Сварожичей потчевать будем! – вновь повернулся к Радику и проговорил: – Уж не обессудьте, отведайте с нами снеди нехитрой!

Радогост махнул рукой и ответил:

– А давай!

Я радостно свернул нехитрую свою еду и положил назад в сумку. Уж если есть возможность покушать бесплатно и свою пищу сохранить – это радость! А Стрибогу сказал:

– Пойдём к столу, раз приглашают.

Тот демонстративно отвернулся от меня и пошагал к витязям, раскладывающим на грубо сколоченном столе снесь. Я заторопился следом за другом, пряча улыбку:

– Стриж, ты обиделся, что ли? Ну честно же поспорили! Честно по рукам ударили!

Стрибог только плечом двинул, показывая, что не собирается отвечать. А Радогосту проговорил зло:

– Опять этот... меня обманул! Видать, увидел что-то в Илье этом и поспорил, что ты без силы не одолеешь мужика!

Радик посмотрел на друга, потом на меня, и захохотал, хлопая Стрибога по плечу:

– Слушай. У нас в Прави уже поговорки про вас ходят!

– Это какие же? – заинтересовался Стрибог. Да и я поближе пододвинулся. Честно сказать, впервые о таком слышал.

– Ну как же? – продолжал вещать Радик: – Помирились быстро, как Семаргл со Стрибогом!

Я весело захохотал, а Стрибог надулся и сказал уже мне:

– Но признайся, смошенничал же где-то?

– Стриж! – максимально честно ответил я другу: – Ну в чём? Спорили оба! Ты силу оценивал, я тоже. Неужели тебе так коврик для друга жалко?

– Жалко, – надулся Стрибог, – Но не для друга, а вообще! Мне год такой лепить надо!

– Слепишь, – похлопал его по плечу Радогост и кивнул в сторону витязей и богатыря, ими командующего: – Пойдёмте, уважим воинов!

Во главе стола Илья посадил, конечно же, Радогоста. Воины ему в основном поклоняются. Хотя, есть те, кто мои изображения ставят, да мой амулет носят. Хотя, как по мне, лучше бы не ставили вовсе. Видел я несколько раз, чего славяне из дерева вырезают. Там эти изображения обнять и плакать. Глаза разные, нос обязательно из сучка. Рот такой, что лягушки обзавидуются. В общем, ежели б я на этих идолов похож был – одним видом бы своим убивал. Впрочем, здесь у витязей тоже небольшой идол стоял из пня вырезанный.

Естественно, Радогост. И когда один из воинов принёс его и попросил Радика благословить деревянную чурку с «его изображением» мы со Стрибогом переглянулись и грянули хохотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.